

ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

РУССКОЕ СЛОВО

11/2014
цена 50 крон

МЕЖДУ СТАЛИНЫМ И ГИТЛЕРОМ
АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ
СОПРОТИВЛЕНИЕ

70 ЛЕТ ПРАЖСКОГО МАНИФЕСТА

МИХАИЛ АЛШИБАЯ —
КАРДИОХУДОЖНИК

ИВАН КЛИМА — НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ПОКАЯНИЕ ЛЮДЕКА ПАХМАНА

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ В БОРКАХ

ОМСКИЙ ДНЕВНИК
1917—1920

НОВОСТИ • РЕПОРТАЖИ

МАРЛЕН ДИТРИХ:
МОЕ ОДИНОЧЕСТВО

RT+RS
servis

Группа пленных раненых красноармейцев на ступенях церкви в районе Барановичей. Белоруссия, август 1941 года. Автор: Joe J. Heydecker, Bundesarchiv.

8-13

[содержание]

- 3 НОВОСТЬ**
Пермь-36
ТЕКСТ: АНАСТАСИЯ КОПРШИВОВА
- 4 АКТУАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ**
Михаил Ходорковский — политический портрет
ТЕКСТ: ОЛЬГА ЧЕРКАШИНА
ФОТО: ВАДИМ ГРИВАЧ
- 6 РЕПОРТАЖ**
На верность Чешской Республике
ТЕКСТ: АЛЕКСАНДР И ДИНА МУРАТОВЫ
ФОТО: ВАДИМ ГРИВАЧ
- 8 АНАЛИТИКА**
Между Сталиным и Гитлером
Антибольшевистское сопротивление
в годы Второй мировой войны
ТЕКСТ: ЮРИЙ ФЕДОРОВ
- 14 ДОКУМЕНТЫ**
Манифест Комитета Освобождения Народов России.
К 70-летию провозглашения
- 16 ПРАЖСКИЙ МАНИФЕСТ**
Осуществленная политическая программа
ТЕКСТ: БОРИС ПУШКАРЕВ
- 22 СИМВОЛЫ ЭПОХИ**
Марлен Дитрих:
мое одиночество избрано мною самой
ТЕКСТ: Татьяна Аникина
- 28 МОСКОВСКИЕ БЕСЕДЫ**
Михаил Алшибая — кардиохудожник
ТЕКСТ: ЮРИЙ ПРОСКУРЯКОВ
- 34 ЛИЧНОСТИ ЧЕШСКОЙ КУЛЬТУРЫ**
Иван Клима: Абсолютный фраер
ТЕКСТ: Екатерина Сташевская
- 36 НЕЮБИЛЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ**
Покаяние Людека Пахмана. Окончание
ТЕКСТ: СЕРГЕЙ ВОРОНКОВ,
ДМИТРИЙ ПЛИСЕЦКИЙ
- 42 РУССКАЯ ИСТОРИЯ**
Предназначение в Борках.
Спасение под откосом. Часть 2
ТЕКСТ: ВИТАЛИЙ РАУЛ
- 50 СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ**
Татьяна Николаевна Машинская.
Омский дневник 1917—1920. Часть 5
ПОДГОТОВКА ТЕКСТА: ЕЛЕНА НЕДЗВЕДСКА
- 56 РЕЗОНАНС**
Как отзовется слово.
По следам публикации «Омский дневник 1917—1920»
ТЕКСТ: СЕРГЕЙ ФОКИН
- 58 РЕПОРТАЖ**
Чешские бомжи — дорога домой
ТЕКСТ: ДАГМАР КЛАУСОВА
- 60 АНОНС**
Фестиваль «Чешское прикосновение музыки»
- 62 НОВОСТИ СЛАВЯНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ**
Новое издание о Подкарпатской Руси
ТЕКСТ: ОЛЬГА ЧЕРКАШИНА
ФОТО: ВАДИМ ГРИВАЧ

[колонка редактора]

ЗДЕСЬ БЫЛ ЛОСОСЬ

Серия магнитов на холодильник «Здесь была еда», в которую вошли упомянутый выше лосось, пармезан, рибай, а к ним тарелки «Пока не едим мы, мы непобедимы» — такой актуальный набор с названием «Пакет санкций» был вручен организатору фестиваля современной российской культуры KULTURUS Антону Литвину от реаниматоров сатирического журнала «Крокодил», в число которых вошел московский писатель и постоянный автор нашего журнала Дмитрий Петров. Подробный отчет о мероприятии и интервью с гостем фестиваля Виктором Шендеровичем читатели найдут в следующем выпуске нашего журнала. Шутка с пакетом санкций удалась, но для меня остается феноменом ретрокультура и ретросатира интеллигенции вкупе с машиной времени, на которой 80 процентов населения РФ вернулись в моральную атмосферу социализма с ценностями, ему присущими. Параметры среды, в которой проходила эта жизнь — советские школы, коммуналки, праздники с мимозой и вином — вошли в пласт современной культуры: это и ностальгические рецепты Андрея Бильжо, и «Старые песни о главном», и энциклопедии «Намедни» Леонида Парфенова, и много чего другого. Хотя культура — это преемственность, неужели не находится ничего действительно ценного для культивирования по-прежнему тогда стоящего? Интересно, что создатели ретро-«Крокодила» признались, что в этом журнале с момента его создания в 1922 году они не видят ровным счетом ничего смешного... ■

С уважением к нашим читателям,
редактор МАРИНА ДОБУШЕВА

[новость]

АНАСТАСИЯ
КОПРШИВОВА

ПЕРМЬ-36

«Мы, коммунисты, много раз требовали ранее и требуем опять и опять срочно закрыть Пермь-36, этот злобный рассадник человеконенавистничества, оголтелого национализма и антисоветизма, и вместе с нами этого требует сегодняшняя обстановка на Украине». Пафос и риторика сильно напоминают словарь конца 30-х и начала 50-х годов, но такие слова прозвучали совершенно недавно — весной 2014-го.

Что такое Пермь-36? Это название трудовой колонии в Чусовском районе Пермского края. В бывшем лагере для заключенных уже без мала 20 лет существует музей политических репрессий.

Осенью прошлого года в зданиях бывшего лагеря состоялась 3-я Международная научно-практическая конференция «Урал в годы Гражданской войны». Эта тема интересует не только местных историков и краеведов, но и чешских историков, т. к. именно там, под Кунгуром и на территории среднего Урала, воевали легионеры — солдаты чехословацких легионов.

Конференция не только проходила в зданиях лагеря, но участники конференции там одну ночь ночевали. Это было незабываемое впечатление. Добраться туда — это приблизительно два часа ехать на автобусе по разбитым дорогам. Кругом леса, болота и пустырь. Здания лагеря, окруженные забором и сторожевыми вышками, на сыром болотистом месте. Канавки между бараками, полные воды. Но прежде всего — потрясающая экспозиция, посвященная жертвам узникам. А узники — это не безымянные жертвы далеких лет, а поколение наших современников или старших братьев и отцов. На фотографиях живые лица, на стендах описание их жизни. В лагере за решеткой успели побывать Сергей Ковалев, старший уполномоченный по правам человека при Б. Ельцине, или Натан Щаранский, позже возглавлявший несколько министерств в Израиле. Именно этот неанонимный подход к жертвам тревожит ревнителей советского прошлого. Ликвидировать музей пока еще не решаются, но ликвидировать экспозицию музея собираются. Первый шаг — сокращение финансовой поддержки и постепенная дискредитация работников музея.

Представители гонимых организаций (Пермь-36, региональных филиалов «Мемориала» и проч.) во время своего пребывания в Праге просили поддержать их деятельность. Они навестили министра иностранных дел ЧР, организации, занимающиеся охраной прав человека и вопросами национальных меньшинств.

Какую поддержку им могут оказать представители этих организаций, мы не знаем. Но важно, чтобы мы о них, их деятельности и их борьбе за право на существование хотя бы знали. ■

ОЛЬГА ЧЕРКАШИНА
ФОТО: ВАДИМ ГРИВАЧ

ХОДОРКОВСКИЙ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

В рамках пражской конференции «Форум 2000», в библиотеке имени Вацлава Гавела, состоялась встреча-интервью с Михаилом Ходорковским. Вел ее известный чешский журналист Ян Махачек. Камерный зал библиотеки был переполнен: все зрители не поместились в нем, некоторым пришлось стоять на улице и слушать беседу прямо через открытые окна. Говорил Ходорковский около полутора часов.

В библиотеке, названной именем одного из самых выдающихся диссидентов, появление российского инакомыслящего было логичным. Однако перед нами предстал не столько диссидент, сколько политик. Непривычный для России политик западной формации, который стремится нравиться аудитории, улыбается и умело обходит острые углы. Когда кто-то из зала спросил Ходорковского, как он относится к попыткам нынешнего чешского руководства воспрепятствовать санкциям, применяемым к России, Ходорковский дипломатично ответил: чехи разберутся сами. И сразу показалось: так исподволь началась политическая кампания за послепутинского президента.

Отвечая на вопросы, Ходорковский стремится использовать точные формулировки, чтобы не возникло двоякого понимания его слов. Говорит он предельно аккуратно, явственно разделяя понятия «Россия» и «путинский режим». Будучи вполне радикально настроенным к нынешнему режиму Путина, Ходорковский, однако, никак не отвергает российский истеблишмент, тесно с этим режимом связанный, и даже намеренно подчеркивает высокие профессиональные качества некоторых его представителей.

Ходорковский говорит о России как об автомобиле с плохим водителем, не критикуя саму российскую государствен-

ность, потому что претендует на борьбу за власть в этом государстве. И этим он также сильно отличается от диссидентов: диссиденты говорят исключительно за себя, выступая с личной нравственной позиции. Они говорят о своем личном взгляде, расценивая все с моральных категорий, но они не политики, они обычно не ставят целью возглавить государство.

Ходорковский же выступает с особой позиции: одновременно он и яркий критик действующей власти, ставший в одночасье жертвой режима; он также человек, который за 10 лет неволи получил такую международную известность, которой нет ни у кого другого из российских оппозиционеров. Ходорковского так и воспринимают — как путинского узника. К тому же Ходорковский обладает собственными независимыми финансовыми ресурсами (размеров которых мы, конечно, не знаем) и особыми возможностями и связями, сложившимися еще тогда, когда он занимал положение на самом вершине влиятельной экономической элиты. Среди разгромленной и рассеянной российской оппозиции сейчас нет другой такой же фигуры-тяжеловеса, как Ходорковский. Сегодня он — оппозиционный ферзь, готовый к битве за власть в России.

В отличие от официальных российских политиков, для Ходорковского Европа — узловой союзник, а не противник, и он подчеркивает это. Например, в борьбе с коррупцией, которую Ходорковский называет «становым хребтом» российского режима, Европа могла бы помочь значительно, если бы начала интересоваться источниками тех средств, которые российские чиновники вкладывают на ее территории. Или в ситуации с Украиной, которую, по его мнению, Евросоюз ни в коем случае не должен оттолкнуть, а, напротив, должен финансировать восстановление украинской экономики и проведение

реформ. «Черная дыра» в Европе обойдется ЕС значительно дороже. А если реформы в Украине и сближение с ЕС дадут результаты, это будет притягательным примером для россиян.

Тот спектр вопросов, которые по-настоящему интересуют Ходорковского и о которых он сказал в своем интервью в библиотеке Вацлава Гавела, вполне позволяют угадывать в нем амбиции большого политика. Но одновременно обнаруживается и слабость его позиции: Ходорковский, равно как и другие российские оппозиционеры, признает режим Путина авторитарным и не видит возможности для смены его демократическим путем просто потому, что в России нет демократии. При этом сам Ходорковский считает, что в результате революции конституционное правовое государство устано-

вить также крайне маловероятно, а экономический кризис способен привести в России к власти кого-нибудь «такого же, как Путин». Поэтому амбиции эти, что называется, построены на песке.

Например, Ходорковский отмечает хорошее развитие «гражданской активности» в современном российском обществе при одновременном снижении «политической активности» в нем же. То есть он признает наличие неких «позитивных сил» внутри гражданского общества, которые пока не вовлечены в российскую политическую деятельность. И поэтому, с одной стороны, по его мнению, надо создавать партийные самоорганизующиеся ячейки и участвовать в выборах, но с другой стороны, по его же оценкам, власть не допустит развития никакой оппозиционной партии. Возникает закономерный вопрос: при каких условиях, проще говоря, с чего это вдруг, Путин, обладающий сильной позицией внутри страны (по словам самого Ходорковского), захочет от власти отойти, предоставив этим самым «позитивным силам» возможность действовать?

Истинный ответ на этот вопрос Ходорковский, как и другие оппозиционеры, не озвучивает. Потому что ответ таков: ждать исторического решения конфликта, когда тупиковая ситуация разрешится как-нибудь сама собой, какой-нибудь «народной революцией», либо ее форсирует экономический кризис и ухудшение финансовой ситуации внутри страны. Но вот когда сей исторический тупик все же разрешится, когда все забурлит, начнет двигаться, тогда можно будет действовать, и даже этот процесс возглавить, используя созданные сегодня структуры. ■

АЛЕКСАНДР И ДИНА МУРАТОВЫ
ФОТО: ВАДИМ ГРИВАЧ

НА ВЕРНОСТЬ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Столетие принятия присяги Чешской Дружиной было торжественно отмечено в Праге у Национального памятника на Виткове и в Киеве на Софийской площади. 100 лет тому назад, 11 октября (28 сентября по Юлианскому календарю) 1914 года, на Софийской площади в Киеве принял присягу батальон Чешская Дружина. Тогда еще не было Чехословацкого государства и его армии. Дружина стала первым чешским военным формированием, созданным после 300-летнего отсутствия у чешского народа своей армии. Таким образом, современная чешская армия начала свою историю на территории Российской империи и формировалась из чехов, живших в России и на Украине.

В Киеве 28 сентября 2014 года представители чешского посольства в Украине, делегаты Общества легионеров, приехавшие из Чехии, и представители общественности Украины торжественно открыли мемориальную доску в честь 100-летия создания Чешской Дружины. Доску установили на внешней стене Национального заповедника «София Киевская».

В Праге 11 октября 2014 года (28 сентября по ю.к.), ровно через 100 лет после освящения знамени и принятия присяги на Софийской площади Киева, прошла реконструкция этого исторического события, организованная Министерством обороны и Чехословацким обществом легионеров на плацу для торжественных мероприятий Национального памятника на Виткове под величественным монументом Яна Жижки. Руководитель отдела военных ветеранов Министерства обороны, известный многим по передачам Чешского телевидения «Исторический магазин» историк полковник Эдуард Стеглик отметил: «Эта дата является ключевым моментом начала создания истории чехословацкой и современной чешской армий».

Перед началом торжества на площади выстроились воинские подразделения и собрались участники — ветераны армии, представители общественности, гости. Под звуки фанфар министр обороны Мартин Стропницки и председатель общества легионеров Павел Будински заняли почетные места на трибуне.

Торжество началось с парада исторических знамен. Министр обороны совершил обход выстроившихся военных подразделений, на левом фланге которых стояли участники реконструкции в обмундировании российских и французских легионеров.

После этого министр обороны Мартин Стропницки, генерал Павел Адам и председатель ЧС Общества легионеров Павел Будински возложили совместный венок цветов к основанию Национального памятника под скульптурой Яна Жижки.

После этого началась реконструкция — торжественная церемония повторения события вековой давности. Так же, как сто лет назад в Киеве, так и в сей день в Праге, знамя и его древко лежали на столе. Церемония началась с прикрепления наверх — герба Российской империи, двуглавого орла — к древку знамени старшим воинским начальником. Теперь им был министр обороны Мартин Стропницки. Почетные гости забивали каждый по гвоздю через полотнище в древко. Затем шло освящение знамени духовенством.

Освященное знамя высоко подняли и вручили офицеру, а он передал знаменщику с ассистентами. Министр сказал: «Это удивительное событие, напоминающее, в первую очередь, людям, что надо знать свое прошлое, знать то, как была создана Чешская Республика, почему мы живем сейчас и гордимся этим. Важно знать, что наши деды и прадеды шли на это, зная, что они могут потерять свою жизнь».

Затем обозначили процесс принятия присяги. Был зачитан фрагмент из большого выступления доктора Вацлава Вондрака тогда в Киеве: «Братья! Исполняется наша вековая мечта — вы наше войско. Правда, что нас не много, но наша сила не в количестве... Идя в бой не только за нашу чешскую землю, за слаянство, вы идете в бой за все человечество...»

Вы есть настоящая дружина победы или смерти! Вы можете победить или умереть. Но вы победите!»

Так торжественно была отдана честь героям, боровшимся за независимое чехословацкое государство в начале прошлого столетия, и их поминовение. ■

ЮРИЙ ФЕДОРОВ

МЕЖДУ СТАЛИНЫМ И ГИТЛЕРОМ

Группа красноармейцев сдается в плен под Уманью. Август 1941.

**Мы идем широкими полями
На восходе утренних лучей.
Мы идем на бой с большевиками
За свободу Родины своей.**

Марш РОА, слова А. Флорова

В Первую мировую войну в плен попали, по разным данным, от 2,4 до 3,4 миллионов солдат и офицеров российской армии. Лишь несколько человек из них перешли на сторону противника и были зачислены в Четвертую отдельную стрелковую бригаду, формировавшуюся в Галиции. Во Вторую мировую войну в немецком плену оказалось от пяти до шести миллионов военнослужащих Красной армии. Около 950 тысяч из них служили в германском вермахте [1]. Это, однако, лишь часть гораздо более впечатляющей картины. В гражданской сфере с немецкими властями сотрудничали около 22 миллионов граждан СССР, оказавшихся на оккупированных территориях [2]. А с оружием в руках против советской власти выступило от полутора до двух миллионов русских, белорусов, украинцев, жителей прибалтийских государств, Кавказа и Средней Азии.

Сразу возникают вопросы: в чем причина массовых вооруженных выступлений жителей бывшего СССР на стороне Германии? Было ли это вызвано стремлением спастись от ужасов плена или выжить в условиях оккупации? Или же эти люди, а также активный сегмент русской послереволюционной эмиграции, воспользовались советско-немецкой войной, чтобы свергнуть большевистский режим? Насколько целесообразным с политической и приемлемым с моральной точки зрения было сотрудничество не просто с противником своей страны, а с нацистским режимом, не менее омерзительным, чем сталинский? Допустимо ли было «идти на бой с большевиками» в одном ряду с солдатами гитлеровской армии? Вопросы эти до сих пор остаются предметом острых споров историков, российской общественности и эмиграции, которым небезразличны прош-лое и одновременно будущее своей страны.

ЗАСЕКРЕЧЕННЫЕ ЦИФРЫ

Н а оккупированной части СССР в годы Второй мировой войны находилось от 60 до 80 миллионов человек, 22 миллиона из них — то есть от одной четверти до одной трети тамошнего населения — сотрудничали с оккупационными властями. Фактически, немцы занимали лишь руководящие посты в администрации и органах правопорядка, тогда как на практически всех остальных должностях в системе местного управления, в здравоохранении, образовании, культуре, социальном обеспечении и сфере обслуживания работали бывшие совет-

ские граждане. Они же составляли основной костяк органов пропаганды, занимавшихся политическим обеспечением оккупационного режима. Сейчас, разумеется, трудно, если вообще возможно, найти ответ на вопрос: какая часть населения оккупированных территорий сотрудничала с немецкими властями, рассматривая это как свой вклад в борьбу с советским режимом, а какая исходила из сугубо прозаических соображений, прежде всего — из стремления к нормальной жизни в изменившихся обстоятельствах. Но какими бы мотивами ни руководствовались эти люди, ясно, что никаких симпатий к сталинской власти и большевикам они не питали. Многие из них были уверены, «что вряд ли на свете найдется власть хуже советской», и, соответственно, руководствовались идейными соображениями [3].

В бывшем СССР факт массового сотрудничества советских граждан с Германией тщательно скрывали. Известный российский юрист Лев Симкин, занимавшийся изучением уголовных дел, заведенных КГБ на так называемых «пособников фашистов», писал: «В советское время большинство этих дел было засекречено и рассматривалось в закрытом режиме, чтобы скрыть истинный размах коллаборационизма» [4].

Советская пропаганда именovala всех граждан бывшего СССР, сотрудничавших с немецкими властями, не говоря уже о служивших в германской армии, «жалкой кучкой изменников и предателей», стараясь приуменьшить масштабы этого сотрудничества и его опасность для правящей в СССР верхушки. Неслучайно маршал В. Чуйков заметил, что один власовский пропагандист был опаснее целой танковой роты противника [5]. Это опровергало пропагандистские мифы о советском народе, который под руководством своего великого вождя как один встал на защиту социалистической родины. Еще болезненнее для советского руководства было другое: оказалось, что в стране было немало людей, ненавидящих сталинский режим и готовых воевать против него с оружием в руках. Более того, как заметил крупнейший немецкий исследователь власовского движения Йохим Хоффманн, «это (власовское — авт.) движение было опаснейшим вызовом советскому режиму и вполне достойно занять почетное место в истории России» [6].

В годы Второй мировой войны гражданский коллаборационизм в оккупированных Германией странах Европы, пожалуй, кроме Польши, был довольно распространенным явлением. Однако участие советских граждан в боевых действиях на стороне немецкой армии было поистине беспрецедентным. Оценить их количество с точностью до сотен и даже тысяч человек невозможно. Оно менялось со временем, отдельные части и подразделения передавались из одних соединений в другие, переформировались и так далее. Досье советской госбезопасности, относящиеся к этой проблеме, в большинстве своем

[1] Кирилл Александров. *Неопубликованное интервью — жертвы войны 1941–1945 гг.* Congress of Russian Americans. — russianamericans.org/Articles/InterviewAlexandrov.html

[2] Лев Симкин. *Большинство этих дел было засекречено.* The New Times. 13 октября 2013 года.

[3] Лев Симкин. Цитированное сочинение.

[4] Там же.

[5] Цит. по: Игорь Ермолов. *Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками.* Москва. 2010.

[6] Й. Хоффманн. *История власовской армии.* Париж. Утса-press. 1990. Стр. 345.

остаются закрытыми, а немецкие военные архивы изучены не полностью, причем статистические данные далеко не всегда указывают национальный состав тех или иных формирований. Тем не менее, как уже упоминалось, против СССР с оружием в руках в составе вермахта, войск СС и антипартизанских формирований воевали от полутора до двух миллионов советских граждан.

Таким образом, если использовать средние оценки, скажем, 1,7 миллиона человек, то окажется, что численность советских граждан в составе вооруженных сил Германии лишь ненамного меньше общего числа граждан ее государств-союзников — Италии, Испании, Венгрии, Румынии, Финляндии, Хорватии, Словакии, воевавших на ее стороне. При этом советские граждане составляли подавляющее большинство, не менее 75 процентов, всех иностранных военнослужащих вермахта, мобилизованных из завоеванных Германией стран Европы. Отдельно необходимо упомянуть УПА — Украинскую повстанческую армию, действовавшую под руководством Организации украинских националистов во главе со Степаном Бандерой в западных районах Украины против советских и немецких войск. УПА насчитывала в своих рядах до двухсот тысяч человек.

Большая часть тогдашних советских граждан служила во вспомогательных частях вермахта — их называли «хи-ви» [7]. Вначале это были небоевые подразделения, главным образом, занятые в хозяйственном обеспечении войск. Однако со временем они стали все чаще выполнять боевые задачи. В частности, на стороне Германии воевало немало перелетчиков к немцам советских летчиков, в том числе два Героя Советского Союза — Семен Бычков и Бронислав Антилевский. Будучи на службе в немецких вооруженных силах, они носили Золотые Звезды, поскольку эта награда, как считало командование Люфтваффе, подтверждала мужество ее обладателя.

В феврале 1943 года «хи-ви» насчитывали около 400 тысяч человек, а всего в вермахте, с учетом «восточных батальонов», где служили представители тюркских и кавказских народов, в тот момент имелось около 750 тысяч человек [8]. По данным немецкого Верховного командования, к сентябрю 1943 года в сухопутных силах, ВВС и военно-морском флоте Германии служило 800—900 тысяч военнослужащих, набранных из советских граждан [9]. К этому необходимо добавить еще, как минимум, 150 тысяч человек, служивших в Ваффен СС, в том числе 50 тысяч русских, или примерно половину иностранных добровольцев в этих войсках [10].

Можно приводить и другие факты, свидетельствующие о важной роли советских добровольцев в немецкой армии. Упомянем лишь два из них. Первый — в армии Паулюса, штурмовавшей Сталинград, было около 52 тысяч человек русского персонала, или 27 процентов ее общей численности [11]. Второй — как минимум половину всех граждан бывшего СССР, воевавших на стороне Германии, составляли русские. Это важно в свете непрекращающихся утверждений прокремлевских историков и публицистов, что с гитлеровцами сотрудничали, главным образом, «националистически настроенные» украинцы, прибалты и представители других народов советской

империи. На самом деле, жители областей бывшей РСФСР, оказавшихся под властью Германии, составляли и абсолютное, и относительное большинство тех, кого сегодня именуют «коллораборационистами».

ТРЕТЬЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Неопределенность термина «коллораборационизм» применительно к гражданам бывшего СССР, сотрудничавшим с немецкими властями и служившим в германских вооруженных силах, неслучайна. Она позволяет вкладывать в него различные смыслы.

Для одних этот термин, по сути дела, аналогичен термину «предатель». Для других — означает просто сам факт сотрудничества без какой-либо эмоциональной или политической окраски. Но, как бы то ни было, вопрос о том, почему численность советских «коллораборантов» достигла небывалой в истории величины, остается весьма болезненным для российских властных историков.

До 1991 года этот вопрос просто игнорировали. Любая попытка ответить на него неизбежно приводила к нелестным для советской власти выводам. Лояльные КПСС исследователи не могли найти сколько-нибудь приемлемого с точки зрения коммунистической идеологии объяснения причин огромного размаха этого явления, даже если назвать его предательством: в самом деле, пусть предательство, но почему такое массовое? После же падения СССР в российской исторической науке, особенно в последние годы, доминирует утверждение, что главной причиной сотрудничества советских людей с противником было стремление избавиться от тяжелейших условий лагерей для военнопленных или выжить на оккупированной территории. Такой мотив, разумеется, имел место, но лишь в сочетании с неприятием советской власти. Положение в советских лагерях для пленных солдат и офицеров вермахта было не менее тяжелым, чем в немецких лагерях для красноармейцев. Однако никаких немецких батальонов, воевавших на стороне СССР, не было.

В России сегодня не могут игнорировать идейные мотивы сотрудничества советских граждан с немецкими властями, хотя стараются, насколько возможно, преуменьшить их значение. Обычно мимоходом упоминается о том, что «некоторая часть» советских людей была недовольна сталинским режимом, поскольку пострадала от репрессий, коллективизации и так далее. Между тем, именно неприятие советской власти, а реально — ненависть к ней, усиленная репрессиями и коллективизацией, стала главной причиной сотрудничества части населения бывшего СССР с гитлеровской Германией.

В свете этого, фактически война 1941—1945 годов представляла собой не только противостояние СССР и Германии, но также очередной всплеск гражданской войны, в которой друг с другом столкнулись сторонники советской власти и ее

Украинцы приветствуют германские войска в Западной Украине летом 1941 года. Вишневец, Тернопольская область.

противники, действовавшие на немецкой стороне. Это можно назвать «третьей гражданской войной»: первая завершилась в 1922 году; вторая развернулась в начале 1930-х годов в результате сопротивления сельского населения насильственной коллективизации. Чтобы подавить его, Кремль выслал в непригодные для жизни районы не менее пяти миллионов крестьян, а еще около десяти миллионов погибли от искусственно организованного голода, поразившего обширные территории в Украине, Казахстане, Поволжье и других ключевых сельскохозяйственных зонах страны.

Война с Германией высвободила существовавшие в СССР антикоммунистические и антисоветские настроения. Многие из их носителей погибли в Гражданскую войну, эмигрировали, умерли от голода в начале 1930-х годов, пострадали от коллективизации или были уничтожены в ходе следовавших одна за другой волн репрессий. И тем не менее, не имеющих аналогов в истории XX века размах сотрудничества с противником своей страны показал, что власти не смогли искоренить массовое неприятие советской действительности. Оно было распространено во многих стратах тогдашнего советского общества. Среди его носителей были, в частности, чудом сумевшие выжить остатки дореволюционной интеллигенции и образованных классов; крестьяне, не забывшие ужасы коллективизации и ненавидевшие колхозное рабство; пострадавшие от репрессий; да и, вообще, все те, кто смог устоять перед напором советской пропаганды. Их настроения ясно выразил Ф. Богатырчук,

профессор-медик и известный шахматист, а в конце войны — видный деятель власовского движения. «Большевизм, — писал он, — вытравил из нас всякий патриотизм, превратив когда-то столь любимую родину в страну, где возвеличивают чекистов, стреляющих в затылок нашим братьям и сестрам, и где ставят памятники Павликам Морозовым, выдающим своего отца на расправу кремлевским палачам» [12].

Недовольство советской властью распространялось на Красную армию. Так, беседы деятелей русской эмиграции с красноармейцами, попавшими в плен во время советско-финской войны, показали, что «80 процентов красноармейцев на нашей стороне (то есть на стороне антисоветских сил — авт.). Остальные 20 процентов составляют техники-коммунисты; они на стороне комвласти. ... Примерно одна четверть Красной Армии верна режиму сов. власти. Сюда относятся танкисты, летчики и прочие техники. В них бывшие красноармейцы... готовы были стрелять, в простых же красноармейцев они категорически отказались стрелять, утверждая, что „они такие же, как и мы“. ... Когда красным военнопленным был задан вопрос: с какими начальниками они желают быть отправлены на фронт, с красными или белыми, — они все выразили желание, чтобы командирами были назначены белые офицеры-эмигранты. Они опасались, что бывшие красные командиры в какой-то момент могут их предать, а что белые офицеры наверняка будут расстреляны вместе с ними и их, безусловно, не предадут» [13].

[7] От немецкого Ost-Hilfswilligen, что значит «восточные добровольные помощники».

[8] Из докладной записки капитана Доша от 2 февраля 1943 года относительно численности «местных вспомогательных сил» на службе вермахта. См.: *Война Германии против Советского Союза 1941—1945*. Документальная экспозиция. Под редакцией Рейнгарда Рюрупа. flot.com/publications/books/shelf/germanyvsussr/

[9] С. И. Дробязко. *Под знаменем врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941—1945*. Москва. ЭКСМО. Стр. 195.

[10] Там же. Стр. 293.

[11] Там же. Стр. 207.

[12] Цит. по: И. Г. Ермолов. *Под знаменем Гитлера. Советские граждане в союзе с нацистами на оккупированных территориях РСФСР в 1941—1944 гг.* Москва. 2013 год

[13] *Опыт формирования русских национальных частей в Финляндии*. Военный журналист. Издание Русского Национального Союза Участников Войны. № 17. 1940. Цит. по: С. И. Дробязко. *Под знаменем врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941—1945*. Москва. ЭКСМО. Стр. 344.

Советские военнопленные записываются в РОА на деревенской улице. На фото крайний справа — офицер РОА в звании поручика. Дата: после весны 1943 года.

Недовольные советской властью были не только среди рядовых красноармейцев, но и среди офицерского состава, ошеломленного жесточайшей чисткой военных кадров, находившегося под пристальным наблюдением особых отделов и, соответственно, под постоянным прицелом чекистских пистолетов. Неслучайно только в Русской освободительной армии генерала Власова, без учета других многочисленных формирований, воевавших на стороне Германии, служило более 100 бывших советских старших офицеров и генералов, а также многие тысячи младших и средних офицеров. О настроениях командного состава Красной армии свидетельствуют высказывания попавшего в плен генерал-лейтенанта Михаила Лукина. «Русские были бы очень благодарны за разрушение и избавление от сталинского режима, — говорил он. — Для осуществления антисталинского восстания нужен сильный толчок извне. ...Если будет все-таки создано альтернативное русское правительство, многие россияне задумаются о следующем: во-первых, появится антисталинское правительство, которое будет выступать за Россию, во-вторых, они могут поверить в то, что немцы действительно воюют только против большевистской системы, а не против России, и в-третьих, они увидят, что на вашей стороне тоже есть россияне, которые выступают не против России, а за Россию. Также правительство может стать новой надеждой для народа. Может быть, так, как я, думаю и еще другие генералы; мне известны некоторые из них, кто очень не любит коммунизм, но они сегодня ничего другого делать не могут, как поддерживать его» [14].

[14] Протокол допроса военнопленного генерал-лейтенанта Красной армии М. Ф. Лукина. 14 декабря 1941 г. — doc20vek.ru/node/1391

После начала немецко-советской войны эта часть советского населения оказалась перед исключительно сложной в политическом и моральном отношении дилеммой: либо выступить на стороне СССР, защищая тем самым чудовищный сталинский режим, либо воспользоваться столкновением двух тоталитарных государств и попытаться с помощью одного из них свергнуть власть в другом. Логика проста: враг моего врага — мой друг или, по крайней мере, союзник. Но расчеты на помощь гитлеровского руководства в деле восстановления освобожденного от большевизма российского государства оказались неоправданными. Впрочем, ответственность за это лежит не на противниках большевизма как внутри СССР, так и из числа эмиграции, но на нацистском руководстве.

Недовольным советской властью противостояли ее убежденные сторонники, люди, полностью лояльные коммунистическому режиму. Их появление — во многом результат тотальной пропаганды в сочетании с мощным социальным лифтом, позволившим части населения СССР заметно улучшить свой статус в обществе, а иногда и материальное положение. В первую очередь, это относилось к молодым людям, попавшим в города из деревни или вышедшим из городских низов, плохо помнившим дореволюционную жизнь, сумевшим закончить среднюю школу, а то и вуз, подвергнувшись жесткой идеологической обработке. Они составили большую часть так называемой советской интеллигенции, в массе своей плохо образованной, с узким кругозором, но искренне преданной режиму. Из этих слоев формировались основные кадры партийных работников, хозяйственных руководителей, сотрудников госбезопасности и так далее. Карьерному успеху многих из них способствовали массовые чистки и репрессии 1935—1938 годов: на освободившиеся места в бюрократиче-

ском аппарате, средствах массовой информации, образовании и других государственных ведомствах пришли молодые люди, бывшие убежденными сталинистами. Именно они составили социальную и политическую опору сталинского и в целом советского режима, а в годы войны стали главным ядром сопротивления гитлеровской Германии. С поистине иезуитской изворотливостью они поставили знак равенства между патриотизмом и защитой сталинской власти.

Антибольшевистское сопротивление проиграло Третью гражданскую войну. Причин было две. Оппозиционные настроения Кремль преодолевал мощной истерической пропагандой и чудовищными по жестокости репрессиями. Заградительные отряды НКВД гнали войска в бой, расстреливая из пулеметов отступавших или не желавших идти в атаку. По приказу Сталина № 270 от 16 августа 1941 года предписывалось командиров и политработников, «дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту», а их самих расстреливать на месте. Семьи сдавшихся в плен красноармейцев было приказано «лишать государственного пособия и помощи», что обрекало их на голодную смерть. Славившийся нечеловеческой жестокостью маршал Жуков направил 28 сентября 1941 года в войска шифрограмму № 4976. В ней говорилось: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны». В 1941—1945 годах военными трибуналами, рассматривавшими дела военнослужащих, было осуждено 994 тысячи человек, из которых расстреляно 157 тысяч, то есть более десяти полнокровных дивизий [15]. Можно с уверенностью предположить, что значительную часть из них составляли люди, просто не желавшие умирать за советскую власть, от которой они ничего хорошего не имели и не ожидали.

Другая причина — политика нацистского руководства. В отличие от многих офицеров и генералов вермахта, понимавших необходимость привлечения на сторону Германии максимального количества оппозиционных большевизму людей и сил в тогдашней России, Гитлер и Розенберг категорически отказывались от самой идеи появления на территории бывшего СССР союзных Германии более или менее самостоятельных политических сил, правительств и вооруженных формирований. Профессор Ф. Богатырчук, вспоминая свою беседу с генералом Власовым, особо подчеркивает это обстоятельство. «Основной темой (беседы с Власовым — авт.) была принципиальная возможность выступления русских на стороне Германии против сталинской клики, <...> не принимая ни бредовых расистских теорий, ни человеконенавистничества, возведенных Гитлером и нацизмом. <...> Многие рядовые немцы и представители интеллигенции были настроены поддержать инициативу Власова, но не желавший слышать ни о каком компромиссе фанатик Гитлер был против, не позволив Освободительному движению стать таким, каким оно должно было стать» [16]. Германская стратегия несколько изменилась в 1944 году, когда был создан Комитет освобождения народов России, ставший первым признанным Берлином органом, призванным объединить все антибольшевистские силы, возникшие в бывшем СССР. Но было уже поздно: поражение Германии стало неизбежным.

[15] По данным Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. 1994 год. — kopilka.wolfschanze.ru/naumov.pdf

[16] Федор Богатырчук. *Мой жизненный путь*. Шахматный вестник. № 2. 1992. Стр. 39.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИЛИ ТРАГЕДИЯ?

Антибольшевистскому сопротивлению во время Второй мировой войны ставят в вину сотрудничество с гитлеровским режимом. Это является главным аргументом нынешних российских властей, близких к ним историков и публицистов, возрождающих, по сути дела, советскую трактовку событий 1939—1945 годов. Их цель — не только восстановить сталинский вариант патриотизма, отождествляющий любовь к стране с преданностью правящему режиму, но и представить любую критику власти как сотрудничество с реальным или потенциальным противником. Это же обстоятельство предопределяет негативное отношение к власовскому движению и российским антибольшевистским силам в целом со стороны ряда западных историков и политиков, главным образом, левого и леволиберального направления.

По сути дела, это означает, что сталинский режим считается более приемлемым, чем гитлеровский. Но нацизм и коммунизм — режимы-близнецы, стремившиеся к мировому господству, уничтожившие многие миллионы людей во имя построения некоего «светлого будущего». В одном случае это будущее называлось «тысячелетним рейхом», в другом — коммунистическим обществом. Разница лишь в том, что нацисты уничтожали людей, главным образом, по этническому признаку, а большевики — по социальному. В свете этого, сотрудничество антибольшевистских сил с гитлеровской Германией во имя уничтожения сталинизма столь же морально (или аморально), как и сотрудничество западных демократий со сталинским режимом во имя уничтожения гитлеризма. Генерал Власов, демонстрирующий лояльность Гитлеру, мало чем отличается от Уинстона Черчилля, сказавшего в 1945 году: «Я от всей души надеюсь, что судьба сохранит маршала (Сталина — авт.) для народа Советского Союза» [17]. Судьба действительно хранила Сталина еще целых восемь лет, что обошлось народу Советского Союза в новые миллионы жертв.

Нельзя, разумеется, оправдать участие тех или иных полицейских формирований, укомплектованных гражданами бывшего СССР, в уничтожении мирного населения, Холокосте и других преступлениях нацистского режима. Эти преступления и участвовавшие в них люди и организации осуждены и наказаны. Но одновременно нельзя переносить вину этих людей на все антибольшевистское сопротивление. Нельзя также забывать о том, что сотни тысяч, если не миллионы офицеров сталинского НКВД и МГБ, прокуроров и охранников ГУЛАГа не понесли никакого наказания за пытки и уничтожение своих соотечественников и благополучно дожили свой век на пенсии.

Чудовищные преступления сталинского режима никоим образом не оправдывают преступлений, совершенных нацизмом. Но они помогают понять, почему миллионы жителей тогдашнего Советского Союза во время войны увидели в Германии спасительницу от ужасов сталинизма. Они ошиблись. В этом их личная и политическая трагедия. Но нельзя считать предателями своей страны тех, кто боролся с правящим режимом, изуродовавшим эту страну и, в конечном итоге, приведшим ее к распаду. ■

[17] Winston S. Churchill: His complete speeches 1897—1963. Robert Rhodes James, editor, NY. Bowker. 1974. Vol. 8. P. 8574.

КОНФЕРЕНЦИЯ «70 ЛЕТ ПРАЖСКОГО МАНИФЕСТА»

МАНИФЕСТ КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ! БРАТЯ И СЕСТРЫ!

В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем. Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США; величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней свое счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они понимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливал кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель ее — еще больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всем мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революции 1917 года народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решавшиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством

и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство, при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, — что эта партия, захватив власть, завоеванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его в постоянную нужду, несправие и самую бессовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов право на национальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народов свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободу местожительства и передвижения, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять свое место в обществе согласно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее угнетенных.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насильем, террором и подкупом сделать ее оружием своей лживой пропаганды. Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Все это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остается при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ — ее бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв. Больше-

визм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и не допускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

Исходя из этого, представители народов России, в полном сознании своей ответственности перед своими народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет Освобождения Народов России.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

- свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;
- прекращение войны и заключение почетного мира с Германией;
- создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров.

В основу новой государственности народов России Комитет кладет следующие главные принципы:

- Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.
- Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.
- Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.
- Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.
- Ликвидация принудительного труда и обеспечение трудящимся действительного права на свободный труд, созидающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.
- Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.
- Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.
- Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.
- Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.
- Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.
- Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.
- Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекра-

тит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно.

13. Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния — городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14. Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

- наличием опыта борьбы, большего, чем в революцию 1917 года;
- наличием растущих и организующихся вооруженных сил — Русской Освободительной Армии, Украинского Вызвольного Вийска, Казахских войск и национальных частей;
- наличием антибольшевистских вооруженных сил в советском тылу;
- наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит в объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков. Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск! Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая Цель. Общими должны быть и наши усилия. Только единство всех вооруженных антибольшевистских сил народов России приведет к победе. Не выпускайте полученного оружия из своих рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов — большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе! Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войн. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и несправие.

Братья и сестры на родине! Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!

Прага, 14 ноября 1944 года

БОРИС СЕРГЕЕВИЧ ПУШКАРЕВ, США

ОСУЩЕСТВЛЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА

К 70-ЛЕТИЮ ПРАЖСКОГО МАНИФЕСТА КОНР

Однажды в Симбирске после выступления мне из зала был задан вопрос: «А какие у вас лично были связи с власовским движением?» В ответ я рассказал такую историю. Апрель 1945 года. Мне 15 лет. Я стою с родителями на платформе в городе Пльзень в ожидании поезда. Неподалеку стоит майор РОА. Отец заводит с ним разговор. Когда поезд подходит, майор, указывая на меня пальцем, говорит: «Вот он, может быть, доживет до времени, когда идеи Власова осуществятся». Вопросивший из зала продолжил: «Ну и что же, по-вашему, они осуществились?» Я быстро перебираю в уме пункты Пражского Манифеста, какие помню, и отвечаю: «В основном, да». Сегодня, через 70 лет после публикации Манифеста, можно рассмотреть этот вопрос подробнее, разобрав один за другим все 14 «главных принципов», которые Комитет освобождения народов России (КОНР) положил 14 ноября 1944 года в Праге «в основу государственности народов России». В каждом случае я даю выдержку из Манифеста, а за ней — комментарий.

1. Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

В 1991 году народы всех 15 республик Советского союза получили государственную самостоятельность. В 1993 году все национальные образования в составе Российской Федерации получили одинаковые с русскими краями и областями права. Первый пункт Манифеста был осуществлен, хотя отношение к нему остается двойственным. О распаде страны сожалеет не один Путин; в правовых кругах русской эмиграции признание права на независимость частей бывшей Российской империи называлось «расчленительством» и «розенберговщиной». Сторонние же наблюдатели полагали, что от власовцев ничего иного ожидать было нельзя, иначе бы им Восточное министерство Альфреда Розенберга опубликовать Манифест не позволило. Но это очень упрощенный взгляд. На самом деле, Манифест 14 ноября был попыткой объединения, а не расчленения. Это явствует из многих пассажей документа, призывающих к «единению всех антибольшевистских сил народов России». Восточная политика Розенберга наплодила разные национальные комитеты — азербайджанский, белорусский, грузинский и прочие, были сформированы украинская дивизия СС «Галичина», дивизии СС латышей и эстонцев. Эти дивизии Власов брать под свое крыло не думал, но он искал среди национальных объединений умеренные, готовые вступить с ним в коалицию. Предполагалось

создание Украинского визвольного вийска, а казачьи части в конце войны целиком встали под командование Власова. В нем видели именно символ единения. А запоздалое признание Берлином государственной независимости народов России неплохо звучало и для русского уха, привыкшего слышать про рейхскомиссариаты до линии Астрахань—Архангельск. Война раскрыла стремление к самостоятельности разных народов России, и авторы Манифеста это понимали.

2. Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

Если смотреть широко, то нынешняя Россия действительно ориентирована на поднятие благосостояния и развитие нации, а не на мировое господство ценою народной нищеты, как СССР. Но если подходить буквально, то может возникнуть вопрос — а причем тут «национально-трудовой строй»? Эти слова — своего рода код, ссылка на «Схему национально-трудового строя», совместно разработанную эмигрантами и советскими гражданами и принятую Советом Национально-Трудового Союза (НТС) в ноябре 1942 года. «Схема» рисует новый тип общественно-политического устройства, своего рода беспартийную демократию со ступенчатыми выборами, наподобие плана Сперанского 1809 г. Такие выборы предполагалось ввести параллельно на разные ступени территориального и «трудового» (отраслевого) самоуправления.

Генерал-лейтенант, Главнокомандующий ВС КОНР, А. А. Власов оглашает Пражский манифест Комитета освобождения народов России. Слева от него: генералы Г. Н. Жиленков и Ф. И. Трухин, справа: профессор С. М. Руднев, генерал В. Ф. Малышкин и профессор Ф. П. Богатырчук. Слева за спиной Власова стоит оперативный адъютант полковник ВС КОНР В. В. Поздняков. Испанский зал Пражского Града. Прага, 14 ноября 1944 года. Стоп-кадр. Архив кино и телевидения, Злин, Чешская Республика.

При этом Государственная Дума представляла собой верхнюю ступень территориальных самоуправлений подобно тому, как при Александре II предполагалось увенчать ею здание земских учреждений. Постепенно сам НТС от такой модели отступил и в 1993 году поддержал принятую ныне систему. Желание не экспериментировать в критический момент падения советской власти, а следовать общепринятым парламентским путем понятно. Однако формально нынешнее государственное устройство России отличается от того, что имели в виду авторы «Схемы» 1942 года и составители Манифеста. Был ли бы гипотетический «национально-трудовой строй» более или менее свободным, чем нынешний строй России — сказать трудно: оба предусматривали сильную верховную власть, хотя в первом случае местное и областное самоуправление играли более важную роль, чем теперь.

3. Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

Эти слова вполне соответствуют нынешней внешнеполитической доктрине России. Переход к ней начался в сентябре 1987 г., когда Горбачев объявил в «Правде» об отказе от классового подхода к внешней политике, о признании общечеловеческих ценностей и призвал к «новому мышлению», взамен марксизма-ленинизма. За этим заявлением последовал вывод советских войск из Афганистана (к февралю 1989 г.) и прекращение поддержки зарубежных коммунистических режимов. За 1989—1991 годы 18 стран за пределами СССР отказались от марксизма-ленинизма. Организация Варшавского договора была в июне 1991 года распущена, в июле подписан договор с США о сокращении наступательных ядерных вооружений. С распадом коммунистического блока мировая политика перестала быть двухполярной и стремится к многополярности. Соответственно, и политика Российской Федерации становится многосторонней, направленной на сотрудничество со странами разной политической ориентации на западе, на востоке и юге, на мироустройство вместо миродержавия.

4. Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

При советской власти в России, начиная с 1955 года, резко сокращалось число рождений. Число смертей же постепенно росло. В 1992 году эти две кривые пересеклись, число смертей превысило число рождений и началась естественная убыль населения. Число аборт, которое в советские годы было более чем вдвое превышало число рождений, сократилось более чем в два раза с появлением на рынке противозачаточных средств. Но на общем числе рождений это не сказалось: возросло, следуя примеру Европы и Америки, только число рождений вне брака.

Повышенное внимание вопросам семьи и брака Государственная Дума стала уделять с первого десятилетия нового века. В 2007 году принят закон о «материнском капитале», обеспечивающий государственную поддержку семьям при рождении более чем одного ребенка. Изменены и правила усыновления детей, чтобы способствовать воспитанию в семьях, а не в детских домах. Что касается прав женщин, то международные организации, зорко следящие за подобными рода делами, заметных претензий к новой России не предъявляли.

5. Ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительного права на свободный труд, созидающий их материальное благосостояние; установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

Сталинские лагеря принудительного труда были в основном распущены в 1953—1956 гг. Драконовские сталинские законы о прогулах и опозданиях на работу были отменены в 1954 году, в 1958-м трудящиеся получили право менять место работы по собственному усмотрению. Российская Конституция 1993 г. в статье 37 утверждает «право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» и запрещает принудительный труд.

Генерал-лейтенант А. А. Власов выступает на заседании Комитета освобождения народов России.
Слева направо: генерал Ф. И. Трухин, генерал Г. Н. Жиленков, генерал-лейтенант А. А. Власов, профессор С. М. Руднев.
Испанский зал Пражского Града. Прага, 14 ноября 1944 года.
Национальный цифровой архив Польской Республики.

В перерыве заседания Комитета освобождения народов России.
Слева направо: генерал-лейтенант А. А. Власов, полковник В. И. Боярский, генерал-лейтенант Г. Н. Жиленков и СС-оберфюрер Хайнц Бертлинг.
За ними — полковник М. А. Меандров.
Прага, 14 ноября 1944 года.

Конституция также требует установления минимального размера оплаты труда, но на деле этот размер ниже прожиточного минимума. Все же, реальный материальный уровень трудящихся поднялся за послесоветское время более чем в два раза. Эту величину подтверждают достоверные международные сравнения. Правда, распределение доходов стало весьма неравномерным.

6. Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

В ноябре 1990 года в СССР был принят «Закон о крестьянском (фермерском) хозяйстве», разрешивший крестьянам выход из колхоза или совхоза со своей долей земли, которая, однако, не становилась частной собственностью. Это в Российской Федерации стало возможно лишь после принятия Земельного кодекса в 2001 году. Сами колхозы и совхозы были в конце 1993 года преобразованы в частные товарищества и общества, но фактически остались в руках аграрных чиновников, которые навыков работы в рыночных условиях не имели и образованию фермерских хозяйств противились. С сокращением госсубсидий число бывших колхозов и совхозов сократилось почти на одну четверть, число работников в них более чем на половину, а площадь обрабатываемых сельхозугодий на одну треть. Около 10 % обрабатываемой земли заняли фермерские хозяйства и еще 10 % личные подсобные хозяйства, ранее известные как приусадебные участки. Но и в таких условиях Россия вновь вышла на мировой рынок по экспорту зерна, хотя ввозит довольно много овощей, фруктов и продуктов животноводства.

Данный пункт Манифеста КОНР учитывал опыт Локотского автономного округа на Брянщине, где крестьяне зимой 1941—1942 гг. поделили между собой колхозную землю и инвентарь и вернулись к семейному хозяйству. Прошло только 10 лет со времени коллективизации и со-

хранились как память о прежнем, так и прежние трудовые навыки. Но через 60 лет после коллективизации условия изменились — место крестьян заняли водители и механики сельхозмашин, обрабатывающих тысячи гектаров, и руководящие ими чиновники. Плюс еще бабушки, имеющие свою корову и огород в несколько соток. Созданию семейной фермы мешало отсутствие малой техники, кредитов для ее покупки (кредит крестьянам дают под залог земли, которой они владеют) и отсутствие конкурентной оптовой торговли, обеспечивающей связь производителя с потребителем. Тем не менее, самые крепкие и упорные крестьяне, желавшие стать фермерами, своей цели добились, многообразие форм трудового землепользования в России есть, рыночное хозяйство обеспечивает свободное пользование продуктами своего труда. Ни принудительных поставок, ни долговых обязательств перед государством нет.

7. Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

Переход к преимущественно частновладельческому хозяйству произошел в России в основном с 1988 по 1999 год, доля занятых в частном секторе поднялась с одной десятой до почти двух третей. Российская Конституция в статье 35 гарантирует право частной собственности. В условиях конца XX века частная инициатива хлынула в основном в сферу торговли и услуг. Ремесла, кустарные промыслы не получили значительного развития, и вся сфера малого предпринимательства остается менее развитой, чем в странах со зрелой рыночной экономикой.

8. Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

Советские органы цензуры были упразднены 12 июня 1990 года принятием закона СССР «О печати». Начали публи-

коваться запрещенные ранее книги, открываться архивы. Российская Конституция 1993 года гарантирует свободу мысли, слова и творчества в статьях 29 и 44 и подтверждает запрет цензуры. Но правящие круги в любой стране имеют возможность влиять на содержание средств массовой информации косвенными путями.

9. Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

В статье 7 Российской Конституции сказано: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека ... охраняются труд и здоровье людей». Созвучие текстов Манифеста 1944 г. и Конституции 1993 г. очевидно.

10. Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

Российская конституция утверждает право на бесплатное дошкольное, начальное и среднее образование, а также, на конкурсной основе, и на бесплатное высшее (статья 43). Утверждается также право на бесплатную медицинскую помощь (статья 41), на отдых и на обеспечение в старости (статья 39).

Надо, конечно, иметь в виду, что такого рода социально-экономические права по сути своей отличаются от прав юридических. Государство способно гарантировать юридические права: оно может не вводить цензуру, не пытаться подследственных, не отчуждать имущество без возмещения его рыночной стоимости. Другое дело — медицинское обслуживание, пенсии или образование, объем и качество которых зависят от развития экономики, от собираемости налогов и иных факторов, которые не совсем во власти правительства. Это оставляет неудовольствием повод требовать большего, а активным — развивать гражданскую самодеятельность. Любые обещания социально-экономических прав не гарантия, а скорее заявка о намерениях.

11. Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

Слом режима террора и насилия начался в апреле 1953 года с прекращения дела «врачей-отравителей» и постановления «О нарушении законов органами госбезопасности», открывшего пересмотр ложных приговоров, сперва ограниченного круга лиц. Восемь руководителей органов террора были расстреляны. Это были последние политические казни такого рода.

В мае 1954 года создана Центральная комиссия по пересмотру дел осужденных за контрреволюционные преступления. В том же году упразднены Особые совещания, выносившие внесудебные приговоры по политическим делам. Эти дела были переданы обычным судам. Статьи Уголовного кодекса, использовавшиеся для преследования инакомыслящих, были отменены в апреле 1989 года.

Что касается депортированных народов, то после XX съезда КПСС в 1956 году, в ноябре, принято постановление Президиума ЦК КПСС «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». Были приняты нужные указы, и в 1957—1958 гг. большинству депортированных разрешено вернуться в родные места. Некоторым, как крымским татарам, разрешили вернуться позже, а немцы Поволжья впоследствии (с 1971 г.) начали эмигрировать в Германию.

Антицерковное законодательство 1918 и 1929 гг. было отменено в 1990 году законом СССР от 1 октября «О свободе совести и религиозных организациях» и законом РСФСР от 25 октября «О свободе вероисповеданий».

Неприкосновенность личности, имущества и жилища гарантируются, соответственно, статьями 17—22, 35 и 25 Российской Конституции.

12. Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно.

Освобождение политических заключенных началось в крупном масштабе в 1955 году: по случаю 10-летия победы. По указу Президиума ВС СССР от 17 сентября «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны» были освобождены 55 тыс. человек — власовцы, «лесные братья», сельские старосты и др.

После XX съезда КПСС в 1956 году ускорился пересмотр дел незаконно репрессированных и огромное большинство осужденных вышли на свободу. С тех пор число политзаключенных в СССР исчислялось не миллионами, а тысячами. Последние 160 человек были отпущены на свободу в 1987—1988 годах.

Что касается отказа от преследования коммунистов, то этот принцип был практически осуществлен в 1991—1994 годах, когда судебный процесс над КПСС закончился ничем и, в отличие от ряда стран Восточной Европы, бывшие члены партии и работники органов госбезопасности не были никаким образом ограничены в правах. Напротив, принятая в 1994 году политика «согласия и примирения» остановила антикоммунистическую пропаганду со стороны государства.

13. Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния — городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

Это единственный пункт Манифеста, исполненный еще при Сталине. Восстановлению народного хозяйства была посвящена четвертая пятилетка, и в основном оно завершилось в 1950 году.

14. Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Положение инвалидов войны при Сталине было бедственным; государству надо было строить атомную и ракетную промышленность, и на протезы для инвалидов или их серьезное лечение денег не было. Безногих и безруких свозили с глаз долой умирать на остров Валаам и в другие подобные места. При Брежневе, когда инвалидов осталось немного, для них стали строить специальные больницы по американскому образцу, выдавать им коляски, а то и особо оборудованные небольшие автомобили. В политический фокус ветераны войны в целом попали после празднования 50-летия победы в 1995 году, когда в живых их осталось еще меньше, а победа 1945 года стала почитаться как бы основополагающим событием нового российского государства, взамен Октябрьской революции.

Выступая в программе «Мнение» на телеканале Россия-24 один из авторов нынешней официальной концепции русской истории посетовал, что в некоем современном учебнике под фотографией Власова, принимающего парад

частей РОА, стоит подпись: «Власов: герой или предатель?» Недопустимо, мол, даже ставить такой вопрос. В крайнем случае, его можно было бы поставить, если бы Власов выступил против Сталина в 1937 году. Но не в 1942-м же!

Выступавшему невдомек, что сталинская диктатура тем и отличалась, что не оставляла своим противникам иного пути, как искать опору на внешние силы. Любое внутреннее сопротивление было безнадежно. Путь через войну был рискованным, но безумие гитлеровской политики было очевидно, и на отказ от нее надеялись многие. Очевидно было и то, что одна против всего мира Германия не устоит (к концу 1945 года она бы погибла в пепле атомных бомбардировок, если бы такой исход не предупредила майская победа Советского Союза). В 1942 году, когда — еще без Власова — начинало складываться «власовское» движение, были возможны разные варианты хода войны: например, мог сработать детонатор бомбы, заложенной в марте 1943 года в Смоленске немецкими офицерами в самолет Гитлера. Затем расчет был на то, чтобы до падения Германии использовать ее ресурсы для создания собственной военной силы. Фантастично? Но разве менее фантастично было ожидать, что через девять лет демонтаж режима Сталина начнут его ближайшие соратники Берия, Маленков и Хрущев? В Пражском Манифесте четко сказано: помощь Германии «является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики». На возражение, что все же Германия — враг, многие власовцы, в прошлом убежденные партийцы, отвечали: «А что, Ленину можно было, а нам нельзя?» Ленину, конечно, можно было только потому, что он победил. Не победи он, так бы и ходил в предателях.

Сегодня у нас многие упорно продолжают повторять: «Предатель — он и есть предатель». Вместо того чтобы взглянуть в Манифест и увидеть, как только что видели мы, что элементы всего послесталинского пути, от Маленкова до Путина, в Манифесте намечены. Страна не пошла путем Сталина, а пошла путем Власова. Только не желает себе в этом признаться из-за того, что Манифест был оглашен по другую сторону фронта. Но в этом природа той войны — она была не только Отечественной, но и гражданской. Такой ее сделал режим Сталина.

Стоит ли считать Власова «пособником» Гитлера? Власов готов был использовать Германию как плацдарм для создания независимой русской силы, но Гитлер три года не позволял даже думать об этом. Гитлер видел во Власове не пособника, а потенциального противника. И выступить самостоятельно Власов не смог. На немецкой стороне воевало много русских — еще со времен Сталинградской битвы и ранее — но частям, подчиненным Власову, пришлось выступить на немецкой стороне только дважды: с 8 по 24 февраля 1945 года под Франкфуртом-на-Одере действовал отряд полковника Сахарова, а 13—14 апреля Первая дивизия участвовала в бою за плацдарм Эрленгоф. Власовцы искупили эти два эпизода кровопролитными боями 6 и 7 мая против немцев в Праге. Вторая дивизия и авиация РОА в боях вообще не участвовали, Третья дивизия только формировалась. Немецкие затраты на них явно не окупились, это было не поспе Гитлеру, а его потеря. Суть Власовского движения заключалась не в трех дивизиях, а в той идее Новой России, которую оно огласило в Пражском манифесте. ■

ИРАИДА ЛЕГКАЯ

радиожурналист «Голоса Америки»,
поэт, переводчик

Чей-то сын чей-то муж чей-то брат
Нет пути ни вперед ни назад
И направо налево ни шага
Не спасла старинная Прага
Шедших в бой за нее солдат

В яму брошенных как собак
На забвение и позор
Только листьев опавших ковер
Черных веток четкий узор
Отсыревший от слез собор

РУССКИМ ПЛЕННЫМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Отмороженные ноги дорогу упрямо месили
Вьюга от колонны отставших снежком заносила
Это было в России
Вьюга кружила
Было кругом красиво
В той же самой России где старуха о Сталине голосила
О тиране-поильце-кормильце-вожде-учителе и убийце
Не о сынах своих старуха причитала и голосила
Где сыны твои

кости их удобряют землю

А их честь отечеством

брошена на поруганье

Твои дочери

по миру брошены

руки и сердце калечить

И по-русски

До-свидания

превращается

В

До страдания

Без сострадания

Боец Русской освободительной армии
на улице Праги. 9 мая 1945 года.
Архив С. Ауски.

ВО МНЕ ЖИВУТ ТРИ СУЩЕСТВА. ВО-ПЕРВЫХ, ЭТО АКТРИСА.
Я ХОРОШО ЗНАЮ, НА ЧТО СПОСОБНА, И ЗНАЮ ПРЕДЕЛЫ СВОИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ.
СРЕДИ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ Я МОГЛА БЫ НАЙТИ ЦЕЛУЮ ДЮЖИНУ АКТРИС,
БОЛЕЕ ОДАРЕННЫХ, ЧЕМ Я. ЗАТЕМ, ЕСТЬ ЖЕНЩИНА, У НЕЕ БЫЛА СВОЯ ЖИЗНЬ.
В-ТРЕТЬИХ, ЕСТЬ ТО, ЧЕМ Я СТАЛА И ЧТО МНЕ НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ.
ЭТО ЛЕГЕНДА.

МАРЛЕН ДИТРИХ

ТАТЬЯНА АНИКИНА

МАРЛЕН ДИТРИХ

МОЕ ОДИНОЧЕСТВО
ИЗБРАНО МНОЮ САМОЙ

Inter arma silent Musae — «когда грохочут пушки, музы молчат». Если только кто-то не пожелает призвать их на службу, усилить их голосами, их талантом тот самый грохот пушек. Во все времена творцы войны искали и находили служителей муз, для которых пушечная канонада звучала музыкой, которые своими творениями славили развязавших очередную историческую битву диктаторов, под песни которых маршировали боевые колонны. Кто-то воодушевлял и славил искренне, иных приходилось принуждать. «Царь и бог» пропаганды нацистского режима Йозеф Геббельс был виртуозом вербовки муз. Кинорежиссеру с Царой Леандр и комедии с Марикой Рекк призваны были поднимать боевой дух и веру в торжество национал-социализма, выдающиеся документальные ленты Лени Рифеншталь волей или неволей служили идеалам рейха, на оперных сценах которого блистала Люба Велич. И все же одна «певчая птичка» так и не попала в его сети, как бы того ни желал он сам и его властитель. Блистательная Марлен Дитрих, которая в виде открыток, фотокарточек и песни «Лили Марлен» царилась в окопах, чьими запрещенными для всех прочих фильмами тайно наслаждался фюрер, сознательно оказалась по другую сторону Рейна. Как это случилось? Для этого надо знать историю ее жизни...

«ЖЕНЩИНА ПО ПРАВУ МОЖЕТ СЕБЯ СЧИТАТЬ НАСТОЯЩЕЙ, ИЗЫСКАННОЙ И НЕОТРАЗИМОЙ — КОГДА НАУЧИТСЯ С ШИКОМ НОСИТЬ МУЖСКОЙ КОСТЮМ»

Орхидея из стали, Королева мира, Голубой ангел, Белокурая бестия... Как только не называли Марлен Дитрих — одну из самых прекрасных и парадоксальных женщин XX века. Чувства и эмоции, которые она вызывала, охватывали весь спектр от преклонения и восхищения до ненависти и злобной зависти. Кто она: гениальная актриса «от бога» или смазливая бездарность, образцовая немка или предательница своего народа, икона стиля или неумеренная алкоголичка, щедрая, любящая душа или бисексуалка-нимфоманка? Кем только ее не считали, на каких только моментах и фактах ее биографии не делали акцентов во множестве статей, в более чем пятидесяти книгах, в фильмах, в пьесах! Всю правду о себе знала только сама Марлен, но едва ли откровенно делилась ею в интервью, вряд ли рассказывала о себе все в двух собственных книгах. Она прожила долгую, насыщенную событиями, непростую, но яркую жизнь звезды и заслужила право так и остаться не до конца разгаданной тайной. Мы можем лишь деликатно приподнять завесу и проследить за восходом, апогеем и закатом ее звездной жизни.

«У МЕНЯ БЫЛО ПРЕКРАСНОЕ ДЕТСТВО»

Эти слова Марлен Дитрих, уже став взрослой женщиной и состоявшейся актрисой, произнесет и напишет неоднократно. Не идеализировала ли, не окутывала ли сиреневым туманом она свои детские воспоминания? Похоже, что нет; детство осталось навсегда в ее памяти и светлым периодом, и неформальной школой подготовки к трудностям жизни. Мария Магдалена (Марлен она назовет себе позднее, составив творческий псевдоним из двух своих имен), младшая из двух дочерей в семье прусского офицера Луиса Отто Дитриха и Жозефины, дочери состоятельного берлинского ювелира, появилась на свет 27 декабря 1901 года в пригороде Берлина. Несмотря на расставание родителей и раннюю смерть отца, а затем и гибель на фронте отчима, семья не пришла в упадок в немалой степени благодаря твердости характера и рационализму ее матери — настоящей немки, чьи жизненные принципы, как на трех китах, покоились на известных трех «К». Детям, Мари и Элизабет, с детства внушали, что самодисциплина важнее личных чувств, а долг перед семьей и другими людьми превышает все. Воспоминания о детстве, Марлен мало говорит о материнской нежности, но прекрасно помнит, как та велела в течение двух лет заключать на ночь в жесткие колодки из стали ее худенькие детские ножки. Матери показалось, что они несколько кривоваты. Вспоминает без обид, поскольку любила и уважала мать, всю жизнь, даже в годы войны, искала и находила возможность для встреч с ней, присылала деньги, оплачивала счета.

От матери она переняла дисциплинированность и силу духа, но стала бы она той Марлен Дитрих, которой любовался весь мир, не оказалась рядом бабушки — по словам Марлен, «самой прекрасной из всех женщин»? «Элегантная, очаровательная, настоящая леди, совершенная во всех отношениях» бабуля умела выглядеть много моложе своих лет, задавала тон в моде изящными дорожными нарядами, обувь и перчатки шила на заказ по личным меркам. Проезжая мимо дома дочери во время ежедневной прогулки верхом, она целовала спешащую в школу

внучку через вуаль, пахнущую утренней свежестью и духами. Вуали, экстравагантные наряды, розовый жемчуг, перчатки, сшитые по гипсовому слепку руки — этому «бабушкиному наследию» Марлен будет верна всю жизнь.

А еще в ее детстве были Первая мировая война, обожаемая музыка и скрипка, строгие нравы в престижной школе для девочек и там же — первая, не сразу осознанная любовь к очаровательной учительнице французского... В те же школьные годы впервые проявился бунтарский, нонконформистский дух Марлен, когда в день взятия Бастилии она с букетом белых роз бежала к огороженному колючей проволокой лагерю французских военнопленных и протягивала им цветы, по розе каждому.

«ЛЮБОВЬ К ТОМУ ИЛИ ИНОМУ ГОРОДУ ОБУСЛОВЛЕНА ЧУВСТВАМИ, КОТОРЫЕ В НЕМ ПРИШЛОСЬ ИСПЫТАТЬ, А НЕ САМИМ ГОРОДОМ»

Как из куклки буржуазного воспитания вылупилась эмансипированная, без сексуальных предрассудков и без уважения к авторитетам бабочка Марлен, остается загадкой. Молодая, хорошо образованная, самостоятельная, она оказалась именно той, кого ждал, кого готов был принять послевоенный Берлин — город, где пылали политические страсти, бурлили новые авангардистские культурные течения, рушились старые нормы и ломались стереотипы. Берлин того времени как зеркало отражал сущность юной Марлен.

Необходимость думать о заработке и травма запястья оставляют занятия классической музыкой и скрипкой в прошлом. Теперь Марлен берет инструмент в руки лишь для того, чтобы исполнить на нем серенады под окнами своего кумира — кинозвезды начала века Хенни Портен — или чтобы заработать на жизнь в оркестре местного кинотеатра. Впрочем, оттуда она была вскоре уволена, так как своими потрясающими ногами (ура стальным колодкам!) отвлекала остальных музыкантов от работы. Ноги останутся ее визитной карточкой на всю экранную и сценическую жизнь, как и ее незабываемый голос. На смену скрипке приходят занятия вокалом, а ноги восхищают завсегдатаев кабаре, куда она попала как протеже звезды скандальных ревю Клер Вальдофф. Их отношения и открытое появление на публике как пары привлекают к Марлен во фражке и монокле всеобщее внимание, о ней начинают говорить. Благодаря рекомендациям Клер, Марлен меняет манеру пения, и отныне и навек публика попадет еще и под обаяние ее хрипловатого завораживающего голоса.

Она идет дальше. Школа драматического искусства Рейнхарда, Немецкий театр — именно здесь Марлен Дитрих начала свою карьеру как актриса. Но она мечтает о кино и в свободное от спектаклей время готова сниматься даже в рекламе колготок! В 1922-м году состоялся ее кинодебют, но фильм «Маленький Наполеон» оказался провальным. Зато в 1923 году на пробах фильма «Трагедия любви» Марлен вытянула счастливый лотерейный билет — встречу с ассистентом режиссера Рудольфом Зибером, своим будущим мужем. За эту встречу, за рождение дочери, за пять лет семейных радостей, расставание без развода и десятилетия преданной нежной дружбы с Руди Марлен Дитрих тоже должна благодарить Берлин.

Марлен Дитрих в фильме режиссера Джозефа фон Штернберга «Марокко». 1930 год.

Как и за встречу с «единственным мужчиной, которому я хотела угодить» — Джозефом фон Штернбергом, и за «Голубого ангела», свой «звездный билет» в Голливуд. К 1929 году Марлен снялась в семнадцати фильмах и сыграла во многих театральных спектаклях, но знаменитой так и не стала. На крупнейшей киностудии Берлина УФА ее считали лишь «маленькой актриской из Рейнхардтовского театра» и, должно быть, очень удивились режиссерскому и мужскому выбору фон Штернберга. Но первый немецкий полнометражный фильм «Голубой ангел» с Марлен Дитрих в роли роковой соблазнительницы, певицы кабаре Лолы, сыгранной с покоряющей смелостью и свободой, вышел на экраны и принес ей мировую известность; ее красота и голос очаровали зрителей, а песни из фильма слушала и пелась весь мир. На волне успеха она покидает Берлин, мужа, дочь и уезжает за океан.

Решение это еще не было политическим — политика вмешается в ее жизнь и карьеру позже. Но и возвращение в город юности не станет триумфальным. Когда в 60-е годы Марлен Дитрих приехала в Берлин с концертами, ее встречали не только овациями, но и плакатами «Marlen, go home!». Удивительно, как почти через двадцать лет после окончания войны кто-то так и не простил ей категорического неприятия нацистского режима и нежелания вернуться на родину, где у власти был Гитлер. И все же, все же... Она завещала похоронить себя в Берлине, рядом с могилой матери. Когда катафалк ехал по берлинским улицам, в городе был базарный день. Люди, узнав, кого хоронят, бежали к рядам с цветами, скупали их охапками, клали на гроб, бросали под колеса. Так Берлин встречал и провожал свою Марлен.

«НИ ОДНА РОЛЬ ИЗ СЫГРАННЫХ МНОЮ НА ЭКРАНЕ НЕ ИМЕЕТ НИЧЕГО ОБЩЕГО СО МНОЙ ЛИЧНО»

Джозеф фон Штернберг не просто обеспечил Марлен Дитрих триумфальное появление в Америке, он буквально создал ее новый, голливудский образ. Впрочем, в его распоряжении оказался исключительный «исходный материал». Позже он напишет, что «сразу увидел, как она умна. Редкое качество для актрисы, тем более такой красивой». И все же «пухленькая берлинская домохозяйка» не отвечала американским представлениям о звезде кино. Он заставил ее похудеть, ей тонкой дугой выщипали брови, подчеркнув тяжесть век и томность взгляда. Фон Штернберг разработал специальную технику освещения ее лица: почти всегда сверху, что обрисовывало скулы и впалость щек. Утонченность декаданса — такой режиссер видел новую Марлен, не забывая при этом сделать акцент на ее потрясающих ногах. Во всех своих фильмах Штернберг будет просить актрису демонстрировать их во всех ракурсах. То же будут делать все режиссеры Марлен Дитрих вплоть до конца ее кинокарьеры в 70-х годах.

Новый облик актрисы, появившейся в фильме «Марокко» (1930), поразил всех, кто знал ее раньше. Тщательно уложенные волнами платиновые волосы, изысканная линия взметнувшихся вверх бровей, мерцание глаз, впалые щеки придали лицу Дитрих выражение загадочного удивления и тайного страдания. Кинокритики и американская публика по достоинству оценили новую звезду. Джозеф фон Штернберг снимет ее снова и снова. За «Марокко» последовали «Обесчещенная» (1931), «Белокурая Венера» (1932), «Шанхайский экспресс» (1932), «Песнь песней» (1933), «Красная императрица» (1934). «Дьявол — это женщина» (1935) стал их последней совместной работой. Увы, разногласия с руководством «Парамаунт» вынуждают фон Штернберга покинуть Голливуд; приходит конец и их роману с Дитрих. Но она всегда будет вспоминать о нем с благодарностью и признается, что он был «моим отцом, моим братом, моим духовным наставником. Кем он только не был! Пожалуй, для меня он был всем».

Уроки фон Штернберга обеспечили Марлен Дитрих многолетний успех в кино и работу с великими режиссерами. Она снималась у Эрнста Любича («Ангел», 1937), Рене Клера («Платье нового Орлеана», 1941), Альфреда Хичкока («Боязнь сцены», 1950). В 1950-е годы на смену ролям роковых красавиц пришли немолодые героини с яркими, сложными характерами и полными драматизма судьбам. В фильмах «Свидетель обвинения» (1957) Билли Уайлдера и «Нюрнбергский процесс» (1962) Стенли Крамера зритель увидит по-прежнему прекрасную, но совсем иную Марлен. Последней ее работой в кино стала эпизодическая роль в мелодраме «Прекрасный жигало — несчастный жигало» (1979), в фильме, который перенес актрису в Берлин ее послевоенной юности.

«НА ЧЕМ ОСНОВЫВАЕТСЯ ВАШ АНТИФАШИЗМ?» — «НА ЧУВСТВЕ ПРИЛИЧИЯ» (из интервью журналу «Шпигель»)

В то время, когда Марлен покоряет Голливуд и мир, на ее родине появился новый лидер, устанавливается новый порядок. В Америке, во Франции актриса встречается с соотечественниками, бежавшими из страны; контакты с еврейскими артистами

«НЕИЗБЕЖНОЕ НАДО ВОСПРИНИМАТЬ С ДОСТОИНСТВОМ. СЛЕЗЫ, КОТОРЫЕ ВЫ ПРОЛИВАЕТЕ ИЗ-ЗА НЕИЗБЕЖНОГО, ДОЛЖНЫ ОСТАВАТЬСЯ ВАШИМ СЕКРЕТОМ»

и политэмигрантами помогли Марлен еще яснее увидеть ситуацию в Германии. Она потрясена и возмущена их рассказами о происходящем. И все же рвется домой, чтобы увидеться с родными — в Германии оставались мать, семья сестры — но верный Руди отговаривает и предлагает более безопасный вариант — встречу всех в Австрии. Это был их последний мирный отпуск вместе. Политические взгляды раскололи семью. Никакие уговоры Марлен и Руди не убеждают Жозефину и Элизабет покинуть Германию, те не разделяют их озабоченность растущей нацистской эйфорией, не видят угрозы в новом порядке, напротив. Лояльность семьи гитлеровскому режиму будет ее постоянной душевной болью. Но если преданность Марлен матери приведет их в конце войны к взаимному примирению, то сестра так и будет вычеркнута из ее жизни до последних дней.

Возвращение мировой звезды в Германию было бы очень серьезной пропагандистской победой. Высокая, светловолосая, голубоглазая, дочь прусского офицера — для нацистов она была идеалом немецкой женщины. Не говоря уже о том, что Дитрих была любимой актрисой Гитлера. В 1937 году Геббельс прислал актрисе приглашение в Германию, обещая триумфальный въезд через Бранденбургские ворота, двадцать тысяч марок за каждый фильм и трон «королевы немецкой киноиндустрии». Служить нацистскому режиму Дитрих не желала, но она не просто отказалась вернуться, она приняла американское гражданство, а значит, стала врагом Третьего рейха, предательницей! А значит — травля в прессе, изъятие фильмов из проката. Но все они по-прежнему занимали место в личной фильмотеке фюрера. «Гитлер не забыл пояс с резинками в „Голубом ангеле“, я ничего не могу с этим поделаться», — говорила актриса. Или все же могла? В архивах ЦРУ сохранились упоминания о ее наивном плане остановить Гитлера. Речь шла об одном приезде в Германию, всего одном фильме при одном, но главном условии — личной встрече с фюрером и... об одной отравленной шпильке.

«КТО НЕ БЫЛ НА ВОЙНЕ, НЕ ИМЕЕТ ПРАВА ГОВОРИТЬ О НЕЙ»

Марлен на войне была. Став американской гражданкой, она включается в борьбу с фашизмом на стороне своей новой родины с присущей ей немецкой обязательностью и чувством долга. За концертами, танцами с отбывающими на фронт американскими солдатами и даже мытьем посуды в «Голливудском кафе» последовала изматывающая кампания по продаже военного займа. От шести до восьми выступлений днем, а иногда еще и ночью, на фабриках, заводах, в кинотеатрах и в ночных клубах. Мало кто мог сравниться с ней по силе убеждения! Немка Марлен Дитрих собрала миллион американских долларов, и остановить ее в этой сумасшедшей гонке смог только личный приказ президента Рузвельта. Глубокая ночь, Овальная кабинет Белого дома и его слова: «Вы больше не будете выступать по ночам!»

В 1944 году капитан американской армии Марлен Дитрих едет с бригадами артистов в Европу выступать перед американскими солдатами. На передовой и в госпиталях, на сцене и просто в кузове грузовика в десантной куртке в талию

Марлен Дитрих. 1934 год. Фото: Эдвард Штайхен. Condé Nast Archive.

и в брюках цвета хаки она была своим парнем, называла солдат «ребятами» и кокетничала со всеми так, что каждому казалось — только с ним. Когда она пела знаменитые «Куда ушли все цветы» и, конечно же, «Лили Марлен», восторг слушателей не знал границ. Она была в составе американских частей, которые в 1945 году вошли в Германию из Франции, и там пела уже для немецких военнопленных, на родном языке. Они слушали «предательницу», а слышали «голубого ангела» и плакали.

«В ЛЮБВИ НЕВОЗМОЖНО ОТЛИЧИТЬ ПОБЕДУ ОТ КАПИТУЛЯЦИИ»

То, что Марлен Дитрих рвалась на фронт, некоторые объясняют желанием последовать за ее большой любовью Жаном Габеном. Отчасти это так и было. История любви двух кинозвезд началась в 1941 году в Голливуде по инициативе самой Марлен. С Габеном она, как ни с кем иным из своих многочисленных возлюбленных, приблизилась к семейной идиллии. Звезда перешла с английского на французский, освоила кухню Провансана и повторяла, что для Жана была «матерью, его сестрой, его подругой и даже больше. Я очень его любила!» Когда после скандала на студии и очередного отказа актрисы выйти за него замуж Габен ушел, на сей раз на войну, вступив в войска де Голля, Дитрих отправилась в Алжир, где служил Жан, чтобы увидеться с любимым. Есть и документальные кадры, на которых Марлен нетерпеливо ждет в толпе и при появлении Габена, въезжающего на танке в Париж, бросается к нему на шею. Семейной жизни не получилось и после войны, когда пара поселилась во французской столице. В ответ на ультиматум — либо мы женимся, либо все

кончено! — дорожившая своей свободой Дитрих собрала вещи и отправилась на съемки за океан, а потом всю жизнь ждала, что Жан одумается и приедет, но увя. Габен женился, обзавелся детьми и при случайной встрече даже притворился, что не узнал ту, кого так хотел видеть с собой рядом и которая оплакивала его уход в 1976 году, забравший с собой «половину ее души».

Впрочем, страстная любовь к Жану Габену не была помехой другим ее романам. Они наслаивались друг на друга, пересекались во времени и пространстве. Возлюбленные могли оказаться за одним столиком в ресторане, она легко обсуждала с одним сложности отношений с другими. Хэмингуэй, Ремарк, Фрэнк Синатра, Чарли Чаплин, Керк Дуглас, Морис Шевалье, Бернард Шоу, Александр Вертинский, Джон Кеннеди, Эдит Пиаф... возможно, Марлен Дитрих и сама не смогла бы перечислить всех мужчин и женщин, появившихся в ее жизни и исчезавших из нее. Она покоряла, любила, вдохновляла многих, как вдохновила в свое время Ремарка на написание «Триумфальной арки» и стала прототипом Джоан Маду. Она декламировала наизусть стихи Рильке — любимого поэта Ремарка, отвечала на триста его страстных писем только двадцатью, категорически отказывалась разводиться, чтобы выйти за него замуж, но помогла ему перебраться в Голливуд, вытащила из глубин пьянства и практически заставила снова начать писать.

С Эрнестом Хемингуэем, с которым судьба свела ее в 1934 году на корабле по пути в Америку, по словам самой Дитрих, их связывала полная безнадежность. А писатель то ли в шутку, то ли всерьез называл их отношения «несинхронизированной страстью»: когда он был свободен, она была в объятиях кого-то другого и наоборот. Между ними годами тянулся классический роман в письмах, хотя удивительно, как от жара полыхающих в них чувств не загоралась бумага. Известно, что этот платонический по сути роман тревожил ревнивого Ремарка куда больше, чем отношения Марлен с Габеном. «Я буду любить тебя вечно и еще дольше!» — напишет в одном из писем Хемингуэю Марлен Дитрих. Так оно и было...

«ЧТО БЫ ТЫ НИ ДЕЛАЛ ДЛЯ СВОИХ ДЕТЕЙ, В ОПРЕДЕЛЕННОМ ВОЗРАСТЕ ОНИ УПРЕКНУТ ТЕБЯ ЗА ЭТО»

Муж и возлюбленные прощали Марлен присутствие других в ее личной жизни. Ее талант, обаяние, красота и готовность помочь, поддержать для большинства значили больше, чем ревнивое чувство собственника. Но совсем иначе относилась к этому единственная дочь актрисы — Мари. Трудно сказать, что повлияло на их взаимоотношения больше: расставание из-за отъезда матери в Голливуд или воссоединение на американской земле, где девочка окунулась в облако популярности и восхищения, окружавшее ее мать. Поклонники, раскованные манеры, фривольные наряды, скандальные фотографии в газетах... Мать в жизни и мать на экране — девочке порой трудно понять, где она живет, а где играет очередную роль. Наступает момент, когда дочь даже стыдится появления на публике вместе с «мутти».

Так никогда и не обретя доверия к матери, Мария Рива, повзрослев, начала откровенно завидовать ей и все же попы-

талась повторить и звездный путь в кино, и увлекательно-скандальный в жизни. Увы, выдающейся актрисой она так и не стала, а среди любовников не было ни одного, чье имя вызвало бы даже намек на громкий скандал. Она удачно вышла замуж, родила четверых детей. Казалось бы, можно радоваться жизни, но... Неудовлетворенность или застарелые детские обиды выплеснулись в жестокую, ранящую книгу воспоминаний «Моя мать — Марлен». Книгу беспощадную и, наверное, по-своему правдивую. Хотя бы этими словами: «В матери был такой мощный энергетический заряд, такое подавляющее всех и вся начало, что любой находящийся подле нее человек терял свой статус „дочери“, „мужа“, „друга“. Она подчиняла себе, делая людей предметами для своего вольного пользования. Рядом с ней я ощущала свое уродство, лишний вес, прыщи. Я никогда не испытывала к ней чувство интимности, что ли...» Книга писалась еще при жизни Марлен Дитрих, но вышла в свет после ее смерти. Остается надеяться, что матери не довелось читать рукопись, так похожую на сведение счетов. Иначе как бы она могла сказать: «Я всегда, когда у меня возникают трудности, звоню дочери. Она знает все, что хочет или должна знать».

«НУЖНО ИМЕТЬ БОЛЬШУЮ ФАНТАЗИЮ, ЧТОБЫ БОЯТЬСЯ СМЕРТИ»

Марлен Дитрих не стало 6 мая 1992 года в разгар Каннского кинофестиваля, ей посвященного. Причина смерти — до сих пор загадка. То ли инфаркт, то ли большая доза снотворного... Тринадцать последних лет Марлен доживала в Париже в полном одиночестве. Не желая остаться в памяти поклонников старухой, она отказалась от общества людей, предпочитая проводить время в компании коньяка, телефона, газет и писем, от пятидесяти до двухсот ежедневно, адресованных порой странно, порой трогательно: «Мисс Марлен Дитрих, знаменитой актрисе», «Мадам Марлен Дитрих, артистке, Императрице Всего Мира, Париж», «Незабываемой М. Д.». В ее квартире были две мемориальные стены: стена ушедших, с фотографиями мужа, друзей, любовников и любовниц, стена наград, с французским орденом Почетного легиона и американской медалью Свободы. Снявшись в 52 фильмах, она ни разу не удостоилась Оскара; из кинематографических премий была только лауреатом «Тони».

Она больше не снималась, практически не давала интервью, но в 1983 году согласилась на предложение австрийского режиссера и актера Максимилиана Шелла сделать документальный фильм. Ее самой нет в кадре, только фрагменты кинохроники, обстановка квартиры, руки актрисы, иногда попадающие в поле зрения камеры, и ее неповторимый голос. «Все, что можно обо мне сказать, было сказано. Я ничего не представляю из себя особенного, ничего ошеломляющего. Когда я снималась в картине, режиссер сказал мне однажды: „Покажите мне настоящую Марлен!“ „А кто такая Марлен?“ — спросила я его. Он ответил: „Я не знаю“. Некоторые фрагменты фильма будут обнародованы в 2022 году. Быть может, в них найдется ответ...»

Родился в 1958 г. в Батуми (Грузия). Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова. С 1981 г. работает хирургом в Научном центре сердечно-сосудистой хирургии им. А. Н. Бакулева, заведующий отделением хирургического лечения ИБС, доктор медицинских наук, профессор. С 1986 г. собирает коллекцию современного искусства. Автор и организатор более тридцати выставочных проектов на основе своей коллекции и других собраний.

ЮРИЙ ПРОСКУРЯКОВ

МИХАИЛ АЛШИБАЯ КАРДИОХУДОЖНИК

Когда в судьбе человека пересекаются различные сферы деятельности, разум ставит перед ним ряд непривычных для обыденного сознания вопросов. Михаил Алшибая, профессиональный кардиохирург, посвящая драгоценные минуты своего свободного времени собиранию и осмыслению художественного творчества, просто не мог не углубиться в эти призрачные сферы. Он, по собственному выражению, «далек от догматизма, у него нет срезанности обертон». В попытках ответов на сложные вопросы медицинского и художественного творчества, он углубляется в эстетику, в этику, в микробиографию и в осмысление глобальных культурных процессов. Он не дает готовых ответов, но скорее ставит ряд вопросов, важных для него и как специалиста, и как культурного деятеля.

Ю. П.: Однажды вы определили хирургию как перформанс, как некий художественный акт. Хотелось бы понять, что вы имеете в виду?

М. А.: В Америке, как и у нас, операционная называется operating room, но в Англии до сих пор используется термин operating theatre, анатомический театр, место, где происходит действие. Оно не публичное, хотя, на самом деле, публика в ограниченном количестве присутствует. Хирурги всегда водили в операционную художников, ученых. Некоторые мои пациенты просили меня, чтобы я позволил им посмотреть операцию. В какой-то момент мне пришло в голову, что это действие имеет не только научно-практическое содержание, но может наполняться эстетическим смыслом. Кроме того, хирург создает искусственные конструкции, фактически меняет божественный замысел, а это уже искусство.

Ю. П.: Вы участвуете в выставках, устраиваете выставки...

М. А.: Я всегда, кто бы у меня ни просил, даю работы из своей коллекции на выставки. Это то, что я могу сделать для художников в благодарность или в качестве оценки их труда. Сейчас открылась выставка, приуроченная к восьмидесятилетию со дня рождения Владимира Яковлева. Его творчество показывает нам трагедию жизни, ее хрупкость, мимолетность, ее невероятную ценность. Я дал на эту выставку картины, хотя сам проект мне показался не совсем соответствующим сущности этого художника. Литературный музей попросил меня прочесть на выставке лекцию. Я ее назвал «Безумие как творческий импульс». Я пытаюсь вписать художника или его произведения в контекст своих собственных переживаний для иллюстрации своих концепций.

Ю. П.: В своей выставочной деятельности вы, наверняка, сталкиваетесь с новациями, которые зачастую трудно определить.

М. А.: Я думаю, что очень многие художники, особенно выдающиеся, стремились создать свою систему. Они из разряда простых творцов переходили в разряд гуру, импрессионисты имели довольно железные правила, Клод Моне создал целую оптическую теорию, которая как бы все объясняла, Владимир Вейсберг создал жесткую теорию, итальянские футуристы имели свой манифест. Кажется, что только у наших нонконформистов не было манифестов. Но в школе Василия Яковлевича Ситникова, о которой я сейчас пишу, все-таки была система, и у Белятина тоже. Художники в силу одержимости собственными открытиями склонны к тому, чтобы создавать жесткие правила. Может быть, это особенность вообще свойственна человеку с воображением, с художественным мышлением.

Ю. П.: Вы как-то заметили, что некоторые художники, будучи нормальными, пытаются имитировать сумасшествие.

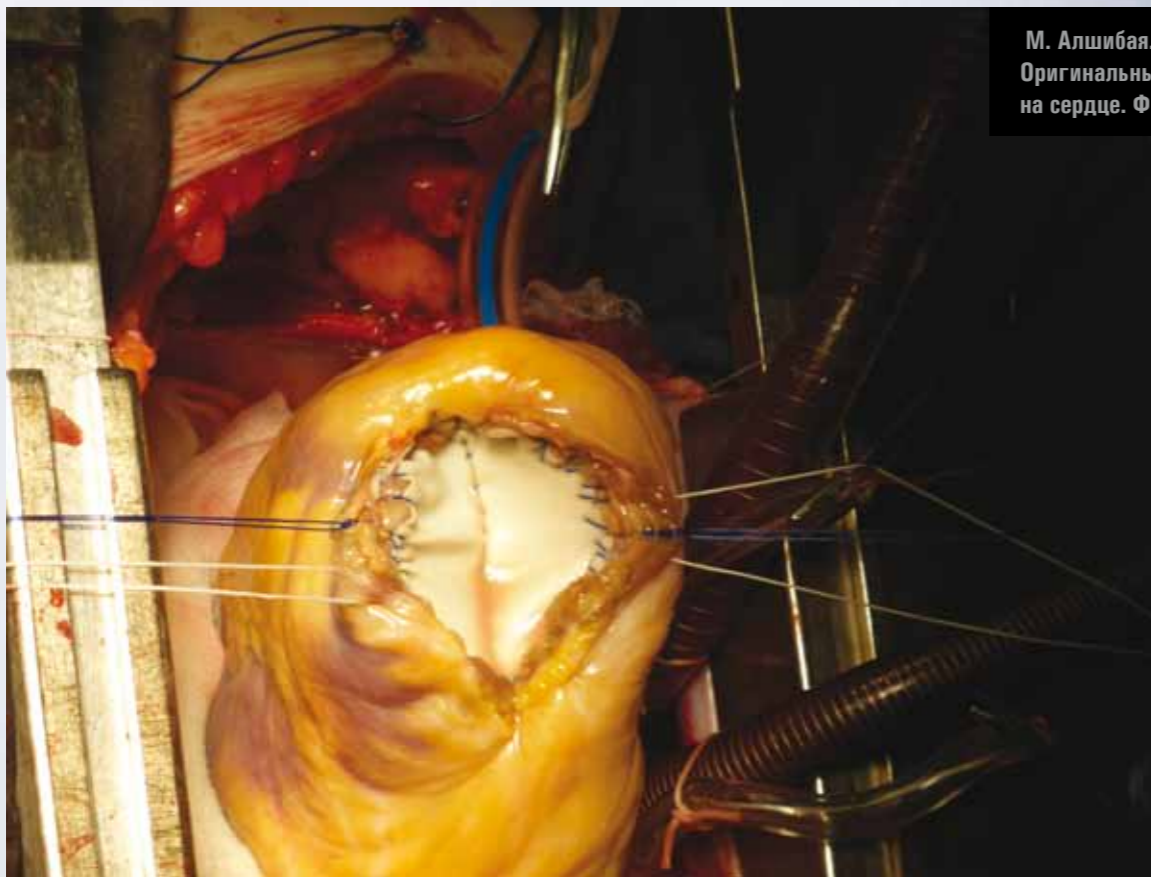
М. А.: Я сейчас думаю об этом в связи с предстоящей лекцией «Безумие как импульс к творчеству». Первое поступление в мою коллекцию было в 1978 году, и это был рисунок душевнобольного. Я проходил курс психиатрии в «Соловьевке», в клинике невротиков. Сохранился корпус во внутреннем дворе, где много лет содержались несколько пациентов с тяжелыми психическими заболеваниями. Там был пациент, страдавший шизофренией. Он все время цветными карандашами рисовал картинки. Они мне понравились, и я попросил у него один из рисунков. Я сохранил этот рисунок. Теперь он мне понадобился для лекции, так как невероятно показателен с точки зрения теорий, развернувшихся вокруг творчества сумасшедших. Рисунки душевнобольных впервые начал собирать великий психиатр Эмиль Крепелин, хотя он несколько презрительно относился к такому творчеству. Для шизофреников характерно смешивать изображения с текстами, и Крепелин называл это винегретом из букв и линий. Одну из первых серьезных монографий по творчеству душевнобольных написал Ханс Принцхорн.

Ю. П.: Теперь похожий на это жанр определяется как визуальная поэзия.

М. А.: Да, и дадаисты возвели это в принцип. Крепелин не учел того, что иллюстрированная книга, где сливаются текст и изображение, традиционно существует с давних времен. Он также не учел того, что в древней иконописи непременно присутствует текст. Принцхорн впервые, хотя и не отождествил творчество шизофреников с творчеством обычных художников, отметил, что в них наблюдаются общие импульсы. В XX веке возникло предположение, что не может быть художника без некоей окраски безумия. Мишель Фуко устанавливает это в своей знаменитой «Истории безумия в классическую эпоху». В конце он говорит, что там, где присутствует безумие, творчество заканчивается, и сам себе противоречит, так как перед этим утверждает, что в личности художника они связаны неразрывно.

Ю. П.: Можно ли утверждать, что творческая натура, как это полагают многие психиатры, — это некая статистическая аномалия. Как вы считаете, насколько концепция статистической аномалии применима к художникам?

М. А.: Надо начать с того, что граница между психическим здоровьем и безумием остается во многих случаях стертой. Английский психиатр Джемс-Коульс Причард в начале XIX века ввел понятие нравственного помешательства. Он заложил основы понятия пограничных состояний. Человек в пограничном

М. Алшибая. Butterfly-patch.
Оригинальный метод операции
на сердце. Фотография.

состоянии может считаться нормальным, у него нет ни галлюцинаций, ни бреда, но он, к примеру, предполагает, что неплохо бы убить кого-нибудь из-за денег. Чезаре Ламброзо использовал этот термин для своих интерпретаций. Надо признать, что творческая личность, продуктивно творческая, — это большая редкость. А у нас, кроме статистического, нет другого понятия нормы. Если большинство индивидов демонстрируют одно и то же, а у кого-то есть отклонение, то мы рассматриваем эту редкость как аномалию. Есть еще и второй аспект. Я исповедую классическую формулу о том, что искусство — бесполезно. Если индивид вместо полезного труда, которым я, например, занимаюсь, хотя я и называю это перформансом, начинает заниматься чем-то абсолютно бесполезным, то это и есть аномалия. Ведь нельзя рассматривать задачу искусства в том, чтобы украсить стену каким-то «гармоничным» произведением. Тут аномалия кончается и возникает то, что большинство населения считает искусством. Выставка из коллекции Демиана Херста в Москве называлась так: «Свобода, а не гениальность». И эпиграфом к ней стоят такие его слова: «С гениальностью все просто, гениальность подразумевает, что далеко не каждый может быть художником, а свобода подразумевает, что художником может быть любой. Я верю в свободу, а в гениальность — не верю. Я не думаю, что художники рождаются какими-то особенными. Художник — это обычный человек...» — и тут возникает удивительный парадокс в его речи, он говорит: «Художник — это обычный человек, которому удалось понять что-то, что важно для всех». И тогда я задаю Херсту вопрос: а как «обычному человеку» удалось это понять? Он что, трудился, читал книжки, или это случай? Я исповедую другую концепцию. Херст говорит: «свобода, а не гениальность». Я читал на этой выставке лекцию и назвал ее так: «Свобода и есть гениальность, или гениальность — это свобода». Вальтер Беньямин

пишет, что использование понятий «гениальность», «вдохновение» и т. п. ведет к интерпретации фактов в фашистском духе. Я понимаю, что он хотел сказать. Здесь и правда проступает ницшеанский сверхчеловек.

Ю.П.: Возьмем для примера проблему «серого слоя» в живописи: те, кто видит его, и те, кто его не видит, не демонстрируют ли они явление антропоселекции?

М.А.: Возможно. На эту тему я даже сделал выставку. Слово «серое» меня привлекло своим неопределенным звучанием, но выяснилось, что 20 лет назад мой друг-художник, работы которого участвовали в этом моем проекте, сделал выставку с таким же названием: «Серое». Я выбрал слово «серое», потому что оно полисеманлично. Серый цвет вызывает впечатление чего-то благородного, но, с другой стороны, серое всегда ассоциируется с обыденностью, с депрессивным состоянием.

Ю.П.: Мы остановились на статистической аномалии. Как и всякая аномалия, она не лежит на поверхности. Вы как-то употребили слово «эксгумация» для возрождения незаслуженно забытых деятелей искусства.

М.А.: В своих эксгумационных проектах я показывал только умерших и забытых художников. Туда не входили умершие, но знаменитые, как, например, Краснопевцев. Это родилось немножко как шутка. Мой друг Боря Жутовский, который тогда работал на канале «Культура», после моей выставки, посвященной умершей Тане Киселевой, во время телеинтервью сказал: «Гаяна Каждан, Татьяна Киселева — когда же, Миша, вы закончите заниматься эксгумацией?» Мне понравился этот термин, потому что, действительно, забытый художник дважды мертв — физически и в памяти живущих. Я извлекаю его из этой двойной смерти для того, чтобы увидеть, оценить.

Ведь эксгумация, если не считать перезахоронений, делается в основном с научной целью. Именно с этой целью я развивал свой проект «Эксгумация». Мне удалось найти простой деревянный гроб, который, между прочим, невероятно гармоничен, просто какой-то Малевич. Это не было ерничеством, а представляло собой визуализацию моего впечатления от когда-то пережитого в мединституте, в «большом секционном зале» во время судебно-медицинской эксгумации. Проект по виду, конечно, получился несколько эпатажный. Хотя я убежден, что в любом творческом проекте должен существовать элемент эпатажа, такое стрекало, которое будет подогревать интерес зрителей. Элемент своеобразного укола в сердце, пунктума, если использовать термин Ролана Барта.

Ю.П.: С одной стороны, вы как будто бы стоите на позиции некоей относительности, которая предполагает, что существуют равноправные точки зрения, с другой стороны, вы предполагаете, что за этой относительностью прячется нечто, что никак не формализуется и является абсолютным.

М.А.: Для меня это комплемент. Я считаю, что внутренняя противоречивость — это главное свойство человека. Противоречивый человек, по крайней мере, над чем-то задумывается, он далек от догматизма, у него нет срезанности обертон. Я говорю это в гераклитовском смысле. Когда Гераклит утверждает, что «жизнь есть смерть и смерть есть жизнь», это можно расценить как неудачную шутку или некий эпатаж, или как провокацию и, возможно, как безумие. Мы прекрасно понимаем, что его высказывание далеко от примитивной диалектики и в нем заключены глубокие смыслы. Смыслы возникают там, где воз-

никает противоречие, в этом я — релятивист. Я выдвигаю некую гипотезу и тут же могу сказать, что все, что я наговорил до этого — это только моя точка зрения, причем это точка зрения сегодняшнего момента: у нас нет опорных пунктов. Категорический императив знаменитой кантовской фразы о звездном небе над головой и моральном законе внутри нас — это прекрасная идея. Но я готов одновременно утверждать полную релятивность всего и все-таки в этом релятивистском мире допускать присутствие неких императивов морали. Поэтому эстетика для меня отходит на второй план и на первый план выдвигается этика, не в смысле норм бытового поведения, а в более глубоком значении. Я говорю, что искусство — это напоминание о смерти, имея в виду, что это напоминание о хрупкости и ценности жизни. Если художник забывает о смерти, то он нарушает, с моей точки зрения, этический принцип и разрушает свое произведение.

Ю.П.: В юности вы интересовались муляжами и атласами. Они в вас возбуждали какое-то эстетическое переживание, но постепенно ваше внимание стали привлекать свободные композиции. В какой-то степени операции, которые вы проводите как кардиохирург, также являются свободным творчеством.

М.А.: Конечно, на мое восприятие и на мою судьбу повлияли воспоминания детства. Мои родители и мой дедушка были врачами. Но меня с детства интересовала поэзия и литература, может быть, потому, что в Батуми не было представлено изобразительное искусство. Вместе с тем в школе мне нравилась биология, и, когда я столкнулся с анатомией, я влюбился в нее с первого момента.

Вагрич Бахчанян.
Портрет. 1972. Бумага,
смешанная техника.

Александр Простаков.
Натюрморт. 1978.
Холст, масло.

Ю.П.: Да, я знаю про ваше первое увлечение латынью и анатомией.

М.А.: Латынь и анатомия связаны. Я думал, что влюбился в медицину, но через 15 лет понял, что влюбился в искусство, то есть даже не в искусство, а в божественное творение, которое проглядывает в анатомии, и божественный язык, который построен на высших принципах гармонии. Одним из сильнейших художественных впечатлений детства был дедушкин роскошный 1922-го года атлас кожных болезней Якоби Циллера. Там были страшные картинки: всякие сыпи, проваленные носы, сифилитические кожные опухоли. Но в этом тоже была своя эстетика, и мне нравились эти картинки. Через много лет я увидел работы Вагрича Бахчиняна, где он картинки из этих кожных атласов использует как арт-репрезентации.

Ю.П.: Пытались ли вы сами рисовать?

М.А.: Зарисовки хирургических операций — это единственное, что я рисую. Я делаю их всю жизнь и так сохраняю для себя то, что с больным спаяно уже навсегда.

Ю.П.: Просто как мнемонический прием?

М.А.: Да, всегда можно поднять и посмотреть. Врачи иногда рисуют в истории болезни, и я иногда рисую в особо сложных ситуациях. На этих рисунках я отмечаю ошибки, которые были допущены, или неточности. В определенном смысле это становится учебным материалом. Однажды моя подруга, известный

Сергей Бордачев.
Лето в деревне. 1967.
Холст, масло.

Евгений Кропивницкий.
Девушка в рубашке. 1959.
Холст, масло.

художник, увидев, как, выйдя из операционной, я сделал рисунок, похвалила: «Какой прекрасный рисунок, что это?» «Это схема операции». «Подари мне», — попросила она. Прошло много лет, и по ее инициативе мы сделали в Амстердаме выставку, где были ее акварели и мои зарисовки операций. Это была выставка, но за рисунками стоят человеческие жизни в экзистенциальной ситуации.

Ю.П. При операциях вы пользуетесь не только фиксацией с помощью рисунков, но и прибегаете к фотографии.

М.А.: В основном в научных целях. Но иногда использую эти фотографии как художественные объекты.

Ю.П. Возможно, не только фотографии, но и рентгенограммы.

М.А.: У нас все начинается с рентгена, потому что мы ставим диагноз на основе так называемой коронарографии, а это рентгеновская киносъемка и метод невероятной красоты.

Ю.П.: Поскольку коронарография имеет явно эстетическую составляющую, хочется знать, используется ли это как-то вне медицины в искусстве?

М.А.: Во время коронарографии мы заполняем сосуды рентгеноконтрастным веществом и особым специальным образом видим *in vivo* принципы божественного творения. У меня давно существует связанная с этим художественная идея.

Наталья Нестерова.
Карлица. 1999.
Холст, масло.

В проект, который я планирую осуществить в конце года, я обязательно помещу фильм, где будет коронарография. Я надеюсь найти такой способ видеопрезентации, который подчеркнет художественный, эстетический смысл.

Ю.П.: Что еще может быть использовано в виде арт-объектов, кроме снимков коронарных сосудов?

М.А.: Невероятной красоты брюшная артография. Появился новый метод мультиспиральной компьютерной томографии, который позволяет с помощью компьютерной трехмерной реконструкции дать цветное объемное изображение. Собственно, почему я начал этот разговор, о выставках результатов специальных медицинских исследований в качестве художественных объектов. Многие врачи по традиции или из каких-то иных соображений не хотят в этом участвовать, считают, что слишком широкая популяризация профанирует их деятельность. Беда врачей в том, что они слишком корпоративны. Хирурги делали открытия или изобретения в хирургии, которые можно поставить рядом с Резерфордом и Нильсом Бором, как, например, Рене Фавалоро, придумавший аортокоронарное шунтирование. Нет ничего плохого в том, что Майкл Эллис Дебейки разъезжал по всему миру и устраивал шоу, а один из величайших хирургов XX века Дентон Кули впервые стал с согласия больного *on-line* транслировать операции, которые делаются в его клинике.

Ю.П.: С помощью коллекционирования вы познали некоторые критерии качества живописи, и в этом какую-то роль играли фотографии, сделанные в процессе операций на открытом сердце. Идут ожесточенные споры, существуют ли вообще эти критерии? И если они существуют, то к чему они сводятся?

М.А.: Это сложный вопрос. Я начал коллекционировать искусство почти 30 лет назад, а на самом деле больше, потому что я собирал сначала художественные альбомы, ходил по музеям и впитывал впечатления. Это был предварительный

этап исследования. Начал я это делать, чтобы попытаться понять критерии творчества. В результате я нахожусь примерно в той же точке, с которой я начинал. Более того, я даже пришел к выводу, что если бы можно было четко выразить эти критерии, то получился бы абсурд. Я думаю, что есть некая принципиальная невозможность словесного оформления. Если бы был составлен список качеств, необходимых для того, чтобы создать выдающееся произведение искусства, то любой художник, вооружившись этим списком, мог бы его сделать. И коллекционер, взяв этот список, выбирал бы только шедевры. Хотя некий туманный смысл как будто выкристаллизовывается. Эстетические понятия подвижны во времени и в пространстве. У Толстого все это неплохо описано в его «Что такое искусство». Но в этическом смысле художественное произведение — это размышление над человеческой жизнью и осознание ее бренности. Николай Бердяев, который ссылается на Кьеркегора и Хайдегера, в «Эсхатологии» приводит замечательный текст: «Смерть есть самый существенный факт нашей жизни, возвышающая самого последнего из смертных над обыденностью и пошлостью жизни». И дальше он переходит к проблеме бессмертия и показывает, что он понимает под бессмертием. В невероятно концентрированной форме он определяет искусство как один из способов попытки познания. Я же различаю четыре уровня постижения реальности. Наука как самый точный и самый низкий уровень. Низкий, потому что наука ограничена своим собственным методом. Об этом в книге «Истина и метод» писал Ганс-Георг Гадамер. Второй уровень — это философия, которая тоже имеет ряд самоограничений. Третий уровень, который, с моей точки зрения, выше двух предыдущих, — это попытка постижения с помощью искусства. Искусство дает нам возможность увидеть нечто такое, чего ни наука, ни философия в чистом виде не позволяют. Есть еще и четвертый, самый высокий уровень постижения, я имею в виду религиозное сознание, но не в конфессиональном смысле, а в более отвлеченном значении. Я к этому уровню пока не приблизился. Многие пытаются туда прорваться, делают, так сказать, трансцендентальные движения, но на самом деле все время получается толчение воды в ступе. Приходит на ум знаменитая фраза Вильгельмштейна по поводу метафизики: «О чем нельзя говорить, о том следует молчать». Почти все философы только тем и занимались, что рассуждали и писали о смерти, и был один человек, Владимир Янкевич, который написал целую книжку с названием *La Mort* («Смерть»). Уже в предисловии он начинает рассуждать и все время ходит кругами, по которым ходят все метафизики. В одном месте он замечает: «Все это может показаться тавтологией и повторением трюизмов, но философия в том и заключается, что повторяет все время трюизмы и вдруг все-таки прорывается чуть ближе к истине». Мне очень понравилась эта мысль.

Ю.П.: Отвлечемся от философии и вернемся к коллекционированию. Вы собираетесь сделать музей Алшибая.

М.А.: Не совсем. Я хотел бы подарить свою коллекцию. Продавать ее я не собираюсь, дети мои, по-моему, не будут продолжать мое дело.

Ю.П.: Как это сочетается: желание отдать коллекцию в музей, то есть музеефицировать ее, с тем, что вы теряете интерес к музеефицированным произведениям?

М.А.: Поскольку я занимаюсь исследованием, попавшие в обиход художники мне уже менее интересны, и тем более я хочу отдать их в музей.

ЕКАТЕРИНА СТАШЕВСКАЯ

ИВАН КЛИМА: АБСОЛЮТНЫЙ ФРАЕР

Восьмого октября в Чешском центре Международного ПЕН-клуба состоялся литературный вечер, который на этот раз был посвящен выходу в свет новой книги Ивана Климмы — одного из самых известных и любимых современных чешских прозаиков. Книга «Абсолютный фраер» — это сборник двенадцати коротких рассказов, написанных автором в течение последних нескольких лет. После вступительного слова поэта Вацлава Данека зрители услышали пять выбранных рассказов в мастерской декламации актера Отакара Броусека младшего. И мы предлагаем нашим читателям ознакомиться с двумя короткими рассказами Ивана Климмы.

НОЧНЫЕ КОШМАРЫ

Телефон звонил. Скорее всего, уже долго. Он посмотрел на будильник, на нем высвечивались довольно монструозные цифры. Было три часа пятнадцать минут. Ночи, разумеется, не дня. Он знал, кто звонит, знал, что, пока не поднимет трубку, будет звонить как минимум четыре часа, а если он и за это время не ответит, то через тридцать минут раздастся звонок в дверь.

- Да, Юленька, я еще жив.
- Это и вправду ты?
- И вправду я.
- Я так счастлива, что ты жив.
- Я тоже счастлив, что жив и что ты жива, но вовсе не обязательно мне об этом ежечасно напоминать.
- Тебе не нравится, когда я звоню?
- Дело не в звонке, а во времени.
- Я счастлива всегда, когда бы ты мне ни позвонил.
- Я тебе никогда не звоню в пятнадцать минут четвертого.
- Это гнусно с твоей стороны!
- Гнусно с моей стороны?
- Что тебе ни разу и в голову не пришло позвонить мне ночью. Он знал: что бы он ни сказал, он вступит в бессмысленный и нескончаемый разговор.
- Это очень мило, что ты мне позвонила, но сейчас пойдешь спать.
- Я не могу лечь, мне приснился жуткий сон.
- Теперь уже все позади, так что можешь спокойно прилечь.
- А что, если он мне опять приснится?
- Тогда ты мне снова позвонишь.
- А ты разозлишься, что я тебя бужу.
- Тебе кажется, что я рассержен?
- Конечно. Если бы ты мог дотянуться, то ударил бы меня.
- Бессмыслица — я не дотянусь до тебя.
- Если бы мы наконец-таки поженились, мне бы не пришлось тебе сейчас звонить, а ты бы меня мог ударить, когда тебе захочется.
- Юленька, ты пила.
- А что мне еще делать, если ты на меня плюешь каждую ночь.

- Преувеличиваешь.
- Когда в последний раз ты со мной был всю ночь?
- Например, вчера.
- Как это похоже на тебя! Во всем ведешь статистику.
- Юленька, будь хорошей девочкой и иди спать, а завтра утром я к тебе зайду.
- И ты даже не спросишь, что мне снилось?
- Да, я как раз хотел спросить. Что тебе снилось?
- Врешь — как всегда. Тебе бы и в голову не пришло спросить, почему я тебе звоню в это время.
- Юленька, сейчас не совсем подходящее время для переказа снов, сейчас время, когда сны снятся.
- Я не могу уснуть после такого страшного сна.
- Так что же тебе приснилось?
- Всхлип. Еще несколько всхлипов.
- Мне приснилось, что ты меня бросил.
- У него было желание швырнуть трубку, но это бы не помогло, наоборот, она бы взяла такси и приехала к нему.
- Не брошу я тебя. Зачем мне тебя бросать?
- Сейчас ты, например, кричал, что я тебе не даю выспаться.
- Это было вчера. Ты мне за ночь три раза звонила!
- Я не виновата, что мне снятся кошмарные сны.
- Тогда записывай их, а утром мне о них расскажешь.
- Это цинично. Ты знаешь, что если я возьму бумагу с ручкой, то уже не усну.
- Тогда запиши свой голос.
- Ты гнусный и больше меня не любишь.
- Если я гнусный, то радуйся, что я тебя не люблю.
- Ты меня уже действительно не любишь?
- Ты знаешь, что люблю.
- И в три пятнадцать утра?
- И в это абсурдное время. И поторопись со сном, иначе пропустишь следующий.
- Это хорошо, что ты меня любишь. Я тебя тоже люблю в любое время. А сейчас оденься и быстро приезжай ко мне! И поторопись, мне утром на работу.

РАЗНИЦА В ВОЗРАСТЕ

Альберт был намного старше ее. Она никогда не округляла эту цифру до сорока лет — это звучало бы как чересчур непристойная разница в возрасте. Когда она его встретила, ей было тридцать пять, а ему, хотя и выглядел он моложе, семьдесят четыре. Ему можно было дать шестьдесят с небольшим, но и такая разница в возрасте была очевидна с первого взгляда. Она, скорее, походила на его внучку. Кроме того, он был женат и у него был сын, который бы ей подходил больше, чем он. Она тоже была замужем, ее муж был старше всего на двадцать шесть лет, недавно он вышел на пенсию, выглядел неприметно. Еще у нее была несовершеннолетняя дочь, которую Альберт видел только на фотографии.

— Луценька, ты совсем голову потеряла, ведь он старик, — оценила Альберта ее лучшая подруга во время их первой совместной встречи.

Альберт работал в кафе, вернее, был его хозяином. Сам себя он охотнее называл скрипачом, поскольку аккомпанировал в одном местном квартете. Играл он и в собственном кафе, где стоял такой шум, что его не могли услышать даже те, кому действительно хотелось. Играл он и в тот день, когда Луцка вместе со своими подругами зашла на один эспрессо пикколо. После того, как он доиграл, он подошел к их столику и спросил, все ли в порядке. Он был во фраке и в белоснежной рубашке с темно-синей бабочкой, волосы его были с проседью. Вопрос относился ко всем, однако смотрел он при этом на нее. Она ответила, что им здесь очень комфортно, и добавила, что его игра бы ей понравилась еще больше, если бы она не звучала посреди такого гула, где ее практически не слышно. Он сказал, что она ему льстит и что он надеется — отнюдь не позтому — видеть ее здесь чаще.

Она это посчитала предпринимательской вежливостью, однако когда они уже уходили, он появился в гардеробе, помог ей надеть пальто и сказал тихо: «Сегодня среда. Удобно бы вам было в субботу вечером?» После того, как она не ответила, он уточнил: «В субботу в восемь на этом месте».

Она пришла в восемь двадцать пять, пришла потому, что в тот вечер у нее не было другой программы. Он, судя по всему, все это время ждал ее возле гардероба.

Это была неромантическая встреча. Каждый выпил по два бокала франковки из Микулова, а когда она уходила, он вложил в ее сумочку билет на концерт органной музыки, который должен был состояться, как она определила, уже на следующий вечер.

- А что если я не приду?
- Я буду грустить.
- Вы часто грустите?

Он ответил, что не часто и что в эту субботу он будет либо очень счастливым, либо очень грустным. Она сказала, что сожалела бы, если бы он был несчастным, но она живет далеко, в Хебе, это почти три часа езды. Он сказал, что готов преодолеть все скоростные пределы и привезти ее. Ему показалось, что она немного колебалась, но потом все же отказалась: ее мужу бы не понравилось, если бы она, не успев вернуться, опять уехала, да еще с каким-то неизвестным мужчиной. Он согласился устроить поездку через неделю. В машине он к ней вышлет женщину. На это она ничего не ответила, а когда он попросил у нее домашний адрес, написала ему электронный.

Они не встретились ни через неделю, ни даже через месяц — они начали переписываться. В каждом новом письме было все больше ласки. Он к ней обращался «моя любовь», а она к нему «мой друг», позже — «мой Бертик».

Он написал ей, что представляет, как бы это было прекрасно обниматься с ней, и что эта мечта напрочь отгоняет его сон, вместо которого он размышляет над тем, что ему нужно сделать, чтобы мечта стала явью. Она сдержанно ответила, что тоже рисует — работает в рекламном агентстве, с искусством, таким образом, ничего общего. По почте она ему послала его портрет, нарисованный по памяти. Здесь у него были густые темные волосы, седина она опустила.

Он очень подробно описывал ее внешность. Вероятно, имел талант к изобразительному искусству — по крайней мере, в отображении женской красоты. В его признания вступили и Леонардо да Винчи, и Рафаэль, и молодой Пикассо. Она написала ему, что его письма вносят искру света в ее серые дни.

Они начали обниматься и целоваться на расстоянии. Слова могут звучать как нельзя ласковее, но едва ли они сумеют заменить собой взаимные прикосновения. Слова оставляют после себя лишь всевозрастающее желание. Когда они спустя два месяца встретились, было ясно, чем станут заниматься. Вопреки тому, что занятие любовью в первый раз не приносит подлинного наслаждения, делали они это так насыщенно, как только могли. Ей казалось, что ему было важнее, чтобы нравилось ей. Такого мужчину она до сих пор не встречала.

Теперь они начали посылать друг другу сообщения каждый день. Он писал ей, с кем он встретился, кто из известных людей посетил его кафе, что ему приснилось ночью и что он о ней с нежностью думает каждый вечер. Кроме того, он ей отправил звукозапись сонатины, которую якобы сочинил для нее. Она ему писала, что бегала вдоль реки, что знакомые пригласили ее с мужем на забой свиньи, о том, что она вечером читала роман, но такой глупый, что стыдится упоминать его название. Еще она писала обо всем, что происходило у нее на работе. Внезапно они осознали, что осведомлены о повседневной жизни друг друга гораздо больше, чем о ней знают те, с кем они живут.

— Это ненормально, — размышляла ее подруга Элишка, — столько израсходованного времени, и что взамен? Все равно это ни к чему не приведет, ведь он почти на полвека старше тебя!

Будто бы она хотела, чтобы это к чему-то привело. Наполненные любовью отношения не нуждаются в будущем, достаточно того, что у них есть настоящее. Однако со своей ежедневной перепиской они и вправду перестарались. В тот вечер она оставила письмо Альберта без ответа. Засыпала она со странным ощущением — словно в ее жизни произошла какая-то значительная потеря. На следующий день она несколько раз включала компьютер лишь для того, чтобы обнаружить там от него хоть какое-нибудь сообщение. Но ничего не приходило. День без прикосновения слов был угнетающим. Во время своего одинокого ужина (муж ушел на срочную деловую встречу) она ни с того ни с сего расплакалась. Жизнь никуда не направлялась, ни к чему не стремилась, ничего не обещала и не предвещала ничего, что бы она могла с радостью ожидать.

Наконец-таки вечером на мониторе компьютера появился короткий вопрос: «Что-то случилось?» Что она на это могла ответить? Написала только: «Да. Я люблю Тебя больше, чем я думала».

Перевод с чешского:
ЕКАТЕРИНА СТАШЕВСКАЯ

СЕРГЕЙ ВОРОНКОВ, ДМИТРИЙ ПЛИСЕЦКИЙ
ФОТО: АРХИВ СЕРГЕЯ ВОРОНКОВА, БРЖЕТИСЛАВА МОДРА И ГЕННЫ СОСОНКО

ПОКАЯНИЕ ЛЮДЕКА ПАХМАНА

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЗНАМИТОГО ЧЕШСКОГО
ШАХМАТИСТА, ЛИТЕРАТОРА
И ПРАВООЩИТНИКА

Окончание. Начало в № 10/2014

«До 21 августа 1968 года я продолжал верить, что в один прекрасный день социализм сможет стать другим. Это был настоящий „момент истины“. В ту августовскую ночь мне внезапно стало ясно, что дело не в различии во мнениях, не в реформах, а в беспощадной борьбе против лжи, которая именуется социализмом с целью прикрыть свои истинные цели, эгоистические великодержавные интересы и ментальность царизма. Я принял решение до конца моей жизни бороться против этой лжи».

Людек Пахман: «За те дни, которые я провел в тюрьме между жизнью и смертью, мне была дарована вера в Бога».

Январь 1972 года. Во время крупного шахматного турнира в голландском Вейк-ан-Зее проходили акции в поддержку заключенного гроссмейстера.

В июне 1969-го Пауль Керес и Виктор Корчной играли в Лугачовице, а после турнира на пару дней заехали в Прагу. Вспоминает Корчной: «Город выглядел угрюмым, озабоченным, настороженным, на стенах домов никаких надписей — ни скабрёзных, ни политических. Только там и сям нацарапано мелом: 2:0 и 4:3. Красноречиво — с таким счетом чехословацкая команда победила на первенстве мира наших прославленных хоккеистов. Когда я вернулся из похода по магазинам, Кереса в номере не было. Записка, оставленная им, сообщала, что приехал Пахман и забрал его на встречу с интересными людьми... А наутро в аэропорту нас уже провожала целая группа советников посольства в штатском. В Москве Кереса тоже окружили особым вниманием и прямо из Шереметьева повезли на беседу. Вызывали на специальный разговор в Спорткомитет и меня. Я им ничего интересного рассказать не мог, но заметил, что если бы я был в тот момент в отеле, то с удовольствием поехал бы вместе с Кересом».

Советское посольство в Праге немедленно доложило в ЦК КПСС об этой встрече, «состоявшейся по инициативе чехословацкого шахматиста Л. Пахмана — известного антисоветчика, организатора и инициатора многих антисоциалистических и антисоветских акций, использующего любую возможность для демонстрации своих взглядов». И уже в августе его отправили за решетку, а в советские издательства поступила жесткая установка: «Фамилия Пахмана должна быть снята отовсюду!» Его книги исчезли из библиотек и магазинов, более того — его имя вымарывалось из готовых к печати книг других авторов.

В 1970-м Пахмана выпустили, но затем снова арестовали. Всего он провел в застенках полтора года, получив тяжелые травмы черепа и позвоночника. Четырежды объявлял голодовку, а когда его стали принудительно кормить через зонд, он закрыл глаза, прекратил говорить и общался с тюремщиками и врачами только письменно. На свободу Пахман вышел уже другим человеком: «За те дни, которые я провел в тюрьме между жизнью и смертью, мне была дарована вера в Бога».

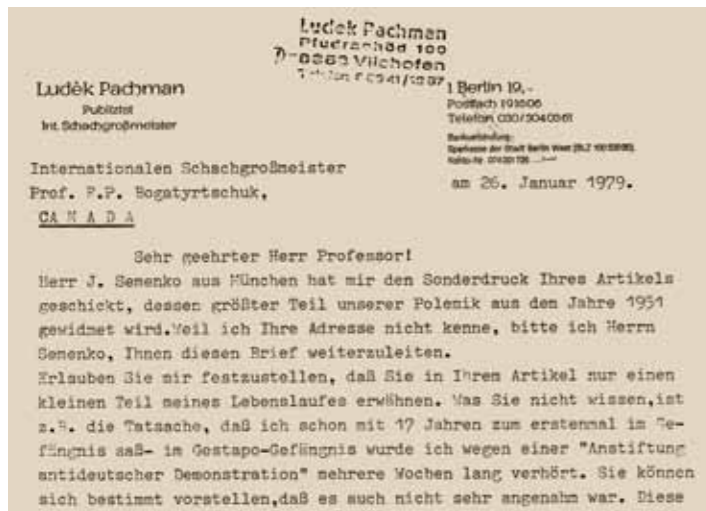
Доннер: «Он остался верен идеалам Пражской весны. Он вел себя так, как будто существует правовое государство, и ссылался на статьи Конституции и на права человека. Он воз-

буждал дела против произвола полицейских чиновников и судей. В начале 1972 года я виделся с ним последний раз у него дома в Праге. Место исчезнувшего портрета Маяковского занял крест: Пахман стал католиком... „Я должен платить за мои грехи. За то, что я сотрудничал с самой сатанинской системой, которая когда-либо существовала в мире“, — говорил он. Но все-таки Пахман решил покинуть свою страну: его положение в Праге стало невыносимым. Полиция следила за каждым его шагом, и все, с кем он обменивался хотя бы парой слов, подвергались опасности».

Еще недавно Людек и не помышлял об эмиграции, но осенью 1972-го был вынужден уехать в ФРГ. Несмотря на разрушенное здоровье, в нем продолжал гореть дух борца.

Вспоминает голландский гроссмейстер Генна Сосонко: «Декабрь 1972 года. Лондон. Открытый турнир в Ислингтоне... Все внимание было тогда приковано к Людеку Пахману: на его доске сделал первый ход спонсор турнира, рядом с его столиком позировала очаровательная блондинка с надписью „Мисс Ислингтон“ на широкой ленте, его снимали для телевидения, за ним охотились журналисты. О нем, герое Пражской весны, только что прибывшем на Запад, рассказывалось в газетных репортажах... Его голова на не знающей покоя шее вращалась, как на шарнирах, то в одну, то в другую сторону, он говорил безостановочно, оставляя собеседнику время только для коротких реплик. В наших разговорах он часто употреблял слово „они“, и каждому, жившему в то время в странах Восточной Европы, было понятно, кого он имеет в виду... Он легко переходил с немецкого на английский, испанский. По-русски он говорил очень хорошо, хотя, как и все чехи, с характерным акцентом... Слушая его эмоциональную речь, трудно было представить себе, что когда-то Пахман был не только рьяным поклонником системы, против которой сейчас так неистово выступал, но и заметным винтиком этой системы».

С 1974 года в Париже начал выходить журнал «Континент», ставший знаменем антисоветской оппозиции. И в первом же номере была опубликована программная статья Людека Пахмана «Новая Пражская весна — вопрос и задача». Ее финал актуален и сегодня: «Придет время, когда уже не хватит танков, чтобы остановить победу правды. Надо только прокладывать

Федор Парфеньевич дождался ответа на свое письмо Пахману только через 29 лет!

пути для нее, будить равнодушных, звать тех, кто пока по ленивой сытости или трусливому приспособленчеству не желает ее слышать. И другому учит нас опыт 1968 года: трудно, а быть может, и невозможно добиться свободы в одиночку. Нет вопроса чехословацкого, польского или русского, есть только вопрос европейский. Вряд ли когда-нибудь наступит особая пражская, будапештская или варшавская весна. Чудесный цветок весны должен расцвести в общем саду Европы.

В эмиграции Пахман не забывал о шахматах, но политика оставалась на первом месте. Он стал активным деятелем Христианско-социального союза. В Пассау, где он поселился, ежегодно проходили съезды ХСС, на которых блистал Франц-Йозеф Штраус, бессменный лидер партии и заклятый враг СССР. В скором времени Людэк, тоже замечательный оратор и полемист, был уже личным другом и главным советником Штрауса.

Вывавшись на свободу, Пахман сразу издал на немецком языке свои мемуары: «Теперь я могу говорить» (Jetzt kann ich sprechen, 1973). В 1974-м они вышли также на чешском под названием «Как это было» (Jak to bylo), а в 1975-м и на английском — «Шах и мат в Праге» (Checkmate in Prague). О полемике в журнале Chess там не было ни слова — в отличие от книги-исповеди Федора Богатырчука «Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту» (Сан-Франциско, 1978). Автор подробно рассказал о той давней истории, а закончил главу словами:

«Поскольку Пахман открыто протестовал против иностранного вмешательства во внутренние дела Чехословакии, его подвергли воздействию пролетарского „правосудия“, импортированного из СССР. Он был арестован и посажен в тюрьму, где с ним обращались по советским образцам, стремясь вынудить признание в совершенных им злодеяниях. Не добившись от Пахмана ни признания, ни раскаяния, его через год, полуживого, выпустили из тюрьмы, лишили чехословацкого гражданства, объявили врагом народа и выслали в Западную Германию

зализывать свои партийные раны... Дело его не улучшится, конечно, до тех пор, пока наш злополучный гроссмейстер не „раскается в своих ошибках“ и не возвратится в лоно „справедливого в мире пролетарского отечества“.

Во всяком случае, я от своего приглашения Пахману — приехать ко мне в Канаду — не отказываюсь и по-прежнему обещаю сделать все, что в моих силах, чтобы помочь ему найти свое место в нашей свободной стране.

Чуть дальше написано: «До сих пор, однако, я ответа от него на мое последнее письмо не получил. Очевидно, ему еще не все ясно».

На самом деле Пахману уже давно было «все ясно». Вскоре после выхода книги «Мой жизненный путь...» Богатырчук получил-таки ответ на свое письмо. Интересно, что он ощутил, прочитав на конверте имя отправителя: Людэк Пахман. Радость, удовлетворение, горечь? И, возможно, усмешка скользнула по его губам при виде слов: «Международному гроссмейстеру по шахматам, профессору Ф. П. Богатырчуку». Забавный кульбит: в 1944 году Пахман именовал его «прославленным украинским гроссмейстером», в 1950-м рьяно возражал в ФИДЕ против присвоения ему этого звания, и вот опять — гроссмейстер...

Покаянное письмо Пахмана, датированное 26 января 1979 года, напечатано на его фирменном бланке с девизом понизу (на немецком языке), актуальным до сих пор: «Порядочные люди всех стран, соединитесь!»

Л. ПАХМАН — Ф. БОГАТЫРЧУКУ

Глубокоуважаемый господин профессор!

Господин Ю. Семенко из Мюнхена прислал мне отпечаток вашей статьи, большая часть которой посвящена нашей полемике 1950 года (видимо, речь о главе из книги «Мой жизненный путь...» — Авт.). Так как я не имею вашего адреса, я прошу господина Семенко переслать вам это письмо.

Разрешите мне уточнить, что в своей статье вы упомянули только малую часть моего жизненного пути. Вы не знаете того, что уже в 17 лет я в первый раз сидел в тюрьме гестапо по делу о «подстрекательстве к антигерманской демонстрации», где я подвергался допросу в течение многих недель. Вы можете себе представить, что это было не слишком приятно. В результате я стал «радикализированным» и уже весной 1943 года оказался — в подполье — марксистом и коммунистом.

В то время Советский Союз рассматривался нами, как большая надежда — наш освободитель! Мы не имели ни малейшего представления о том, что преступления национал-социалистов являются лишь вторыми по величине массовыми убийствами в истории человечества. Власовская армия была для нас просто изменниками, так как мы не знали, через что прошли ее офицеры и солдаты, так же как и не знали ничего о вашем личном опыте. Перемена в моем мировоззрении началась уже вскоре после нашей полемики. В 1952 году (после больших политических процессов в Чехословакии) я отказался от всех политических должностей и решил посвятить себя исключительно шахматам. Конечно, это было половинчатым и трусливым решением — но до 21 августа 1968 года я продолжал

верить, что в один прекрасный день социализм сможет стать другим. Что для меня означало 21 августа — а это был настоящий «момент истины», — я могу вам лучше всего показать следующей цитатой из моего открытого письма Яношу Кадару от 2.IX.1968 (письмо было опубликовано рядом немецких газет и прочитано мною по Deutsche Welle на многих языках, включая русский, в конце сентября 1968 года):

«В эту августовскую ночь мне внезапно стало ясно, что дело не в различии во мнениях, не в реформах, а в беспощадной борьбе против лжи, которая именуется социализмом с целью прикрыть свои истинные цели, эгоистические великодержавные интересы и ментальность царизма. Я принял решение до конца моей жизни бороться против этой лжи».

Глубокоуважаемый господин профессор, вы можете легко убедиться, что это обещание не было пустыми словами и что я его выполняю! Можете поверить, что я никогда не доставлю этим господам удовольствия, как вы написали в своей статье, «raskaetsja v svojich oschibkach». Эти господа знают, что такого они от меня не дождутся. Вначале они меня в течение 16 месяцев не только допрашивали, но и хотели принудить к «самокритике». Из заключения я вышел фактически полумертвым, укороченным на 3 см из-за тяжелой травмы позвоночника, однако духовно обновленным. Тотчас по выходе из тюрьмы я вернулся к церкви, а немного позже публично (в интервью для Associated press) объяснил причины моего полного отказа от марксизма. Это привело к моему повторному аресту, осуждению на два года тюрьмы и затем к тому, что я должен был покинуть родину.

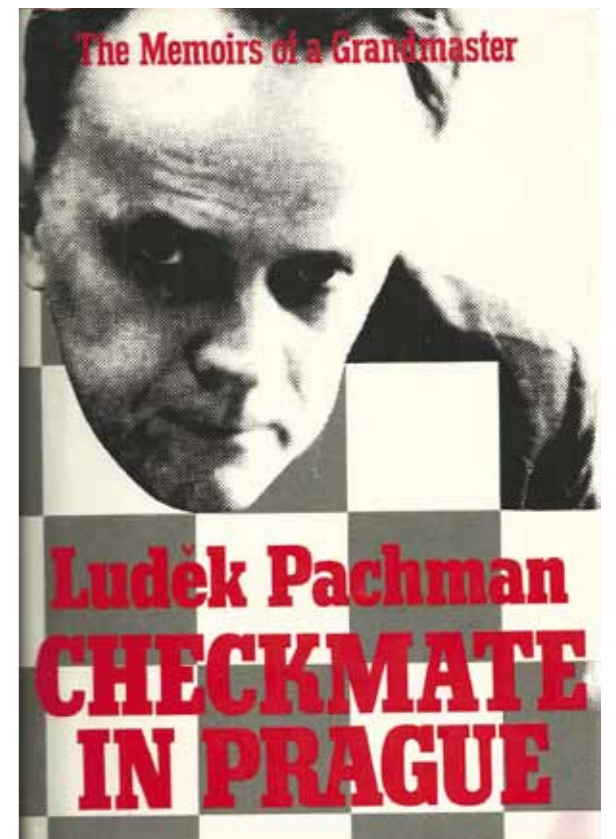
На этом моя «борьба против лжи, именуемой социализмом», конечно, не закончилась. Лучшим доказательством тому являются яростные нападки против меня в последнее время не только в чехословацкой, но и в советской прессе. Недавно передовица партийной газеты Rudé právo даже обвинила меня в убийстве, утверждая, будто бы я «инсценировал, организовал и подготовил» самоубийство Яна Палаха. На самом деле я никогда не знал Яна Палаха.

Пожалуй, вам хватит этого краткого описания моего личного опыта, чтобы понять, что объявленный мне Советами «шахматный бойкот» — всего лишь мелочь, которую я не принимаю всерьез.

Что еще я должен сказать о нашей тогдашней полемике? Не совершает ошибок только тот, кто ничего не делает, кто не выступает в защиту своих убеждений. Я уже сто раз признал свои ошибки. О том, что я изменил свое мнение о Власовской армии, я также не раз публично говорил и писал, после того как узнал от Солженицына истинную историю этой армии.

Только одна мысль успокаивает меня при воспоминании о временах моих заблуждений: подобные полемики я вел тогда исключительно с людьми, находящимися в безопасности, и не повредил никому из тех, кто жил в нашей системе. Именно поэтому теперь в изгнании я встречаю людей, у которых должен просить прощения за мои тогдашние высказывания. Это я хочу сделать и в данном случае.

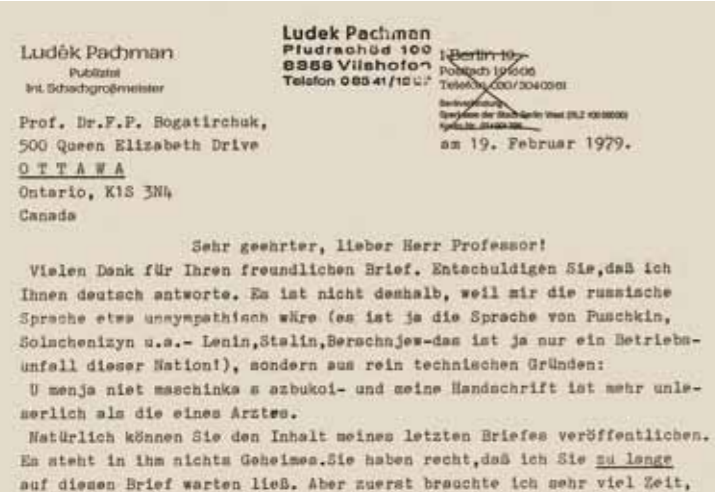
Когда в своем ответе на мою статью в Chess вы предложили мне свою помощь в случае приезда в Канаду, я воспринял это как насмешку. Только позднее я понял, что вы пригласили меня всерьез, что это было проявлением вашего благородного характера и истинного человеколюбия.

В своих мемуарах «Шах и мат в Праге» (Лондон, 1975) Пахман ни словом не обмолвился о той давней полемике с Богатырчуком...

Название книги мемуаров Федора Богатырчука (Сан-Франциско, 1978) говорит само за себя.

Глубокоуважаемый господин профессор, в Канаду я не перееду, поскольку эта страна слишком далека от главной борьбы нашей эпохи, в которую я и впредь хочу вносить свою скромную лепту. Я должен это делать, так как в этом единственное настоящее «искупление» моих прошлых ошибок и заблуждений.

Несмотря на это, я хочу от всего сердца поблагодарить вас за ваше повторное приглашение. Я надеюсь, что мы с вами еще встретимся лично. Если вы приедете в Европу, то будете для нас самым желанным гостем. Иногда я также бываю в «Новом Свете»: в конце марта буду участвовать в открытом турнире в Лон-Пайне и не позднее весны 1980 года я вместе с женой намереваюсь предпринять длительное путешествие в Америку. Если бы вы изъявили желание, я бы хотел вас посетить и еще раз лично извиниться. При этом я твердо убежден, что у вас такое же мнение, как и у меня, что хотя прошлое не следует забывать, так как оно является для нас важным уроком, но все же прошлое не должно препятствовать тому, чтобы мы сражались за будущее вместе.

Я вам желаю благословения Господня, много здоровья и счастья!

Ваш Л. Пахман.

Впервые это письмо (в английском переводе) опубликовал украинский историк-эмигрант Юрий Семенко в статье «Примирение спустя тридцать лет». Символично, что местом публикации стал тот же журнал Chess (апрель 1980), где когда-то развернулась полемика между Пахманом и Богатырчуком. Символично и то, что предисловие к книге Семенко «Шахи в Україні» (Мюнхен, 1980) написал... Людек Пахман.

Ответное письмо профессора не сохранилось, но уже в конце февраля от Пахмана пришло еще одно послание. Оно было обнаружено лишь в 2010 году — в бумагах, которые дочь Богатырчука прислала в свое время одному из авторов этой публикации.

Л. ПАХМАН — Ф. БОГАТЫРЧУКУ

Глубокоуважаемый, дорогой господин профессор!

Большое спасибо за ваше дружеское письмо. Извините, что я отвечаю вам по-немецки. Это не потому, что русский язык мне несимпатичен (ведь это язык Пушкина, Солженицына и др.; Ленин, Сталин, Брежнев — всего лишь производственная травма этой нации!), а по чисто технической причине: u menja niet maschinka s azbukoi — а мой почерк не более разборчив, чем у врачей.

Если первое письмо Пахмана начиналось словами: «Глубокоуважаемый господин профессор!», то второе уже: «Глубокоуважаемый, дорогой господин профессор!»

Естественно, вы можете опубликовать содержание моего последнего письма. В нем нет ничего тайного. Вы правы, что я заставил вас слишком долго ждать этого письма. Но сперва мне потребовалось очень много времени, чтобы вообще одуматься. Потом в Чехословакии наступили четыре тяжелых года, из них почти половина в двух тюрьмах; потом эмиграция на Запад, и на Западе началось активное время моей жизни. Каждый год у меня примерно 150—200 публичных выступлений, демонстраций, конференций, докладов, кроме того, с момента отъезда я сочинил 11 новых книг... не описываю уже всего другого, что я здесь делаю. Я много раз думал о вас, но у меня не было вашего адреса, и я всегда откладывал письмо на потом — и за это я также должен теперь еще раз извиниться!

Меня бы очень обрадовало, если бы мы могли встретиться лично. Мы с женой хотим весной следующего года предпринять большое турне по Америке (прежде всего в качестве учебной поездки, однако в двух американских университетах мне предстоит также прочитать лекции на тему марксизма), и, если мне будет позволено, Оттаву включают в программу этой поездки. Господина Прентиса (*президент Шахматной федерации Канады* — *Авт.*) я знаю лично очень хорошо, пожалуйста, передайте ему от меня привет!

Корчной в настоящее время в Бразилии, но как только он вернется в Цюрих, я с ним поговорю и дам ему ваш адрес.

Чтобы вы могли убедиться, что я не скрываю от общестственности свои «грехи молодости», я велю послать вам из Лондона английское издание моей книги Checkmate in Prague и одновременно с этим письмом отправлю вам две мои записные книжки — к сожалению, они опубликованы не на английском, а только на немецком, испанском, французском и итальянском языках. Но я предполагаю, что вы свободно говорите по-немецки, — поэтому пишу вам и это письмо на любимом немецком вместо моего плохого английского!

Желаю вам много здоровья, энергии и во всем благословения Господня и с радостью ожидаю нашей встречи в следующем году!

Л. Пахман

P.S. В случае если вы предпримете поездку в Европу, ваш длительный визит нас бы очень обрадовал — гостевая комната для друзей в нашем маленьком доме всегда готова!

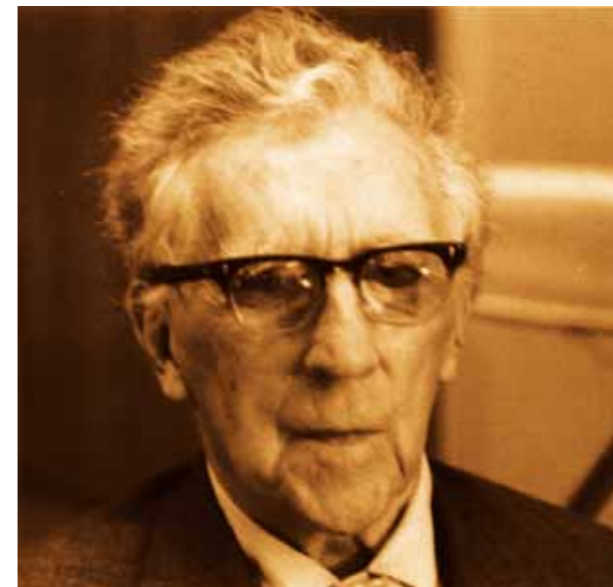
Ответил ли Богатырчук на это письмо, неизвестно, но с Пахманом они так и не встретились. Все-таки профессору шел уже 87-й год, он почти ослеп, и лишние волнения были ни к чему...

Последнее «прости» своему бывшему противнику Людек Пахман смог сказать через пять лет — в некрологе, опубликованном в западногерманской газете Die Welt (5.10.1984), где он вел шахматную колонку:

«4 сентября в Оттаве на 92-м году жизни скончался международный мастер проф. Ф. Богатырчук, один из сильнейших украинских шахматистов всех времен. В 30-е годы он принадлежал к лучшим шахматистам Советского Союза — между прочим, он трижды победил будущего чемпиона мира М. М. Ботвинника, уже тогда входившего в международную элиту.

В эмиграции Людек не забывал о шахматах и в 1978 году даже стал чемпионом ФРГ.

Новая встреча Богатырчука с Пахманом так и не состоялась. Все-таки профессору шел уже 87-й год, он почти ослеп, и лишние волнения были ни к чему...

Этого успеха Богатырчук достиг, будучи любителем. Как превосходный медик, он добился всеобщего признания также на своей второй родине — в Канаде.

Его жизнь была бурной. В Первую мировую войну какое-то время он был интернирован как участник шахматного конгресса в Мангейме. Вскоре был отпущен на родину. После Октябрьской революции работал для национальной Украинской Народной Республики. Во Вторую мировую войну он был арестован гестапо как руководитель Украинского Красного Креста, но все же примкнул позднее в качестве украинского представителя к Комитету освобождения ген. Власова.

Во время нашей встречи летом 1944 года в Праге (он обыграл меня в захватывающей партии) Богатырчук выразил свое неприятие национал-социализма, но предостерег меня одновременно от коммунистической идеологии. <...> Я чрезвычайно рад, что был знаком с этим высокоинтеллигентным, сердечным человеком. К сожалению, его поведение и взгляды я понял значительно позже.

Браво, Людек: лучше поздно, чем никогда! Вы были искренни в своей фанатичной борьбе за идеалы сталинского социализма, но, прозрев, ужаснулись содеянному — качество, крайне редкое для большевиков. Гонимый болью и стыдом, сжигаемый острым желанием искупить свои грехи, вы ринулись в борьбу за идеалы Пражской весны «против лжи, которая именуется социализмом», и сполна заплатили по счетам: тюрьмами, голодовками, высылкой из страны, подорванным навсегда здоровьем. Больше того: вы нашли в себе мужество лично покаяться перед каждым, кому в свое время причинили зло. Ваша судьба — словно немой укор всем тем, кто упорствовал в своей идеологической дурости до конца дней, считая высшей доблестью «не изменять принципам», даже если эти принципы оказались преступными...

На излете 1989 года Пахман триумфально вернулся на родину и включился в работу. Солдат всегда солдат — даже в 65, если он патриот своей страны. Почти девять лет он жил на два дома — в Праге и в Пассау. Вспоминает известный чешский издатель и редактор журнала Šachinfo Бржетислав Модр (1946—2014), близкого знавшего Пахмана в те годы: «Я ожидал увидеть монстра, бывшего фанатика-коммуниста, человека с экстремальными идеями. На деле же Людек оказался очень милым, добрым, отзывчивым, всегда готовым прийти на помощь человеком, с которым было интересно провести время, поговорить о чем угодно, посмеяться. Хотя за несколько лет до смерти он приобрел компьютер, пользоваться им так и не научился...»

Увы, постепенно выяснилось, что его время ушло и новая Чехия в Пахмане уже не нуждается. В 1998 году он окончательно переехал в Германию, где и умер незадолго до своего 79-летия. Его прощальные слова обращены и к соотечественникам, и к современным политикам: «Я каюсь за все, что сделал, пребывая в рядах КПЧ. Главной целью в борьбе с идеологией коммунизма для меня было осуждение интервенции войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году. В конце концов, я этого добился. В 1989 году советские руководители, хотя и с большим опозданием, но все же пошли на признание этого преступления. Люди должны знать уроки истории своей страны».

ВИТАЛИЙ РАУЛ

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «РУССКОГО СЛОВА»

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ В БОРКАХ

СПАСЕНИЕ ПОД ОТКОСОМ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Хмурим осенним днем 17 октября 1888 года вся Августейшая семья Российского Монарха, сидевшая за завтраком в вагоне-столовой поезда чрезвычайной важности, следовавшего в С.-Петербург, за несколько секунд оказалась на насыпи, в семи верстах от станции Борки, под обломками разбитых вагонов. Все члены царской семьи уцелели, но испытанный ими шок преследовал их до конца жизни.

Новость о крушении царского поезда достигла Петербурга в тот же день, но в отсутствие деталей обсуждалась только на уровне эмоций. Подробности не заставили себя ждать — их доставили в столицу сами потерпевшие, уцелевшие по счастливой случайности. Самым заметным местом обсуждения новостей в Петербурге был в то время салон Александры Викторовны Богданович, собиравшийся в ее особняке на Исаакиевской площади, 9. Муж Александры Викторовны — генерал Е. В. Богданович, действительный тайный советник, состоял членом Совета Министров внутренних дел и являлся старостой Исаакиевского собора. Салон генеральши Богданович по праву считался местом, где в неформальной обстановке — за завтраком или обедом, сходилась вся чиновная элита Петербурга; обменивались мнениями и сплетнями на злобу дня, но уровень общения был так высок, что сведения, озвученные за столом, были первоклассной информацией, в которой не приходилось сомневаться. Александра Викторовна аккуратно заносила в свой дневник самые интересные сообщения гостей. Завтраки, накрывавшиеся ежедневно на 10—20 персон, были такого же высокого качества, как и разговоры высокопоставленных особ. Неизбалованный по жизни Л. А. Тихомиров, ставший со временем вхожим в салон Богданович, высоко оценивал завтраки, справедливо приравнявая их к хорошему обеду: «Прежде всего, прекрасная, разнообразнейшая закуска, потом горячее, жаркое, рыба, десерт, после завтрака — кофе в гостиной. За завтраком были всегда превосходные вина; некоторые Богданович выписывал прямо из Франции». Без сомнения, искушенному Тихомирову была понятна такая щедрость, как и цена каждому слову, оброненному невзначай. Тем не менее, в особняк на Исаакиевской регулярно

наведывались и министры, и члены Государственного Совета, не говоря уже о директорах департаментов и начальниках главных управлений. Подробности крушения в Борках в доме генеральши Богданович рассказал начальник Управления железных дорог Министерства путей сообщения Василий Васильевич Салов, со слов министра Посьета, которого он сопровождал на доклад Императору в Гатчине. Рассказ касался, естественно, сюжета в вагоне-столовой поезда чрезвычайной важности:

«Был полдень. Ранее обыкновенного сели завтракать, чтобы кончить его до Харькова, который уже отстоял только на 43 версты. Посьет, выходя из своего вагона, чтобы идти в царскую столовую, зашел в купе к барону Шернвалю, звал его идти вместе, но Шернваль отказался, сказав, что у него есть чертежи, которые ему необходимо рассмотреть. Посьет ушел один. В столовой собралась вся царская семья и свита — всего 23 человека. Маленькая великая княжна Ольга оставалась в своем вагоне. Столовая была разделена на три части: посредине вагона — большой стол, с двух боков столовая была отгорожена: с одной стороны помещался обыкновенный стол для закуски, а за другой перегородкой, ближе к буфетной, стояли официанты. Посредине стола с одной стороны помещался Государь, имея по бокам двух дам, а с другой стороны — императрица, справа у нее сидел Посьет, а слева Ванновский. Где стояла закуска, там сели царские дети: цесаревич, его братья, сестра и с ними Оболенский. В ту минуту, когда уже подавали последнее блюдо, гурьевскую кашу, и лакей поднес Государю сливки, началась страшная качка, затем сильный треск. Все это было делом нескольких секунд — царский вагон слетел с тележек, на которых держались колеса, все в нем превратилось в хаос, все упали. Кажется, пол вагона

Крушение императорского поезда. Станция Борки Харьковской губернии. Фото А. М. Иваницкого из Отчета комиссии Ф. Кони. Весть о крушении императорского поезда быстро разнеслась по линии, и помощь спешила со всех сторон. Александр III лично распоряжался извлечением раненых из-под обломков разбитых вагонов. При крушении пострадало 68 человек, из них 21 человек погиб.

уцелел, стены же приплюснулись, крышу сорвало с одного бока вагона и покрыло ею бывших в вагоне. Императрица захватила Посьета при падении за бакенбарды.

Первый на ноги поднялся Посьет. Увидев его стоящим, Государь, под грудой обломков, не имея сил подняться, закричал ему: „Константин Николаевич, помогите мне выкарабкаться“. Когда Государь поднялся, и императрица увидела, что он невредим, она вскричала: „Et nos enfants?“ (Что с детьми?). Слава богу, дети все целы. Ксения стояла на полотне дороги в одном платье под дождем; на нее накинул телеграфный чиновник свое пальто. Михаила отыскали, зарытого в обломки. Цесаревич и Георгий тоже были невредимы. Когда нянька увидела, что стенка вагона была разбита, она выбросила маленькую Ольгу на насыпь и сама вслед за ней выбросилась. Все это произошло благополучно... Человек, подававший сливки, был убит у ног Государя, а также и собака, бывшая в вагоне... Вагон Посьета разлетелся в прах. Шернваль был выброшен на откос, его нашли сидящим. Когда его спросили, сильно ли он ранен, он ничего не отвечал, только махал руками; он был нравственно потрясен, не зная, что такое произошло. Императрица и Государь подошли к нему. Она сняла с себя башлык и надела его на Шернваля, чтобы ему было теплее, так как у него фуражки не было. У него оказались переломлены три ребра и помяты щеки. В вагоне Посьета находился еще инспектор дороги Кроненберг, который тоже был выброшен на кучу щебня, и у него было оцарапано все лицо. И управляющий дорогой Кованько, тоже выброшенный, но так удачно, что не запачкал себе даже перчаток. В вагоне II класса, где была прислуга, мало кто остался жив — все получили сильные раны: кто не был убит на месте, многие были придавлены передними скамейками».

Далее генеральша Богданович, наконец, сообщает основную версию происшествия, принесенную в Петербург: «Сегодня напечатано, что Государь передал жандармскому офицеру кусок дерева — гнилую шпалу. Спросила Салова по телефону, справедливо ли это сообщение. Он отвечал, что Воронцов, правда, поднял кусок дерева и сказал, что это гнилая шпала, передал это Государю, который тут же отдал этот кусок жандарму». Из приведенного сообщения совершенно очевиден источник формирования основной версии крушения — это сам Монарх и его ближайшее окружение. Кроме этого, зафиксированный в дневнике Богданович рассказ министра Посьета отмечает, вместе с прочими любопытными подробностями, и центр крушения, отмеченный наибольшими жертвами — вагон прислуги литер «I», следовавший в составе под №4. Просто обывателю ничего не оставалось, как предположить, что гнилая шпала оказалась именно под вагоном прислуги... В таких громких делах важен первый звук, первая нота, первое мнение. Этот принцип сработал без всякой конкуренции, более того, версия воровства и коррупции на железной дороге, набирая по ходу расследования новые подтверждения, стала в глазах общества бесспорной на долгие годы. Что касается спасения царской семьи, то оно, конечно, было чудесным — все отделались ушибами и ссадинами. Правда, счастливыми спасенными могли себя чувствовать все, сидевшие за царским столом в полдень 17 октября; не повезло только официанту Генриху Лаутеру и собаке Камчатке, задавленным насмерть рухнувшей крышей вагона-столовой. В списке погибших в катастрофе 22 фамилии, из них трое рабочих из вагона-мастерской №2, два тормозных кондуктора, находившихся при тормозных кранах на площадках вагонов, двое служащих из вагона №3 МПС, один повар из вагона кухни №5 и официант в вагоне-столовой №7;

остальные 13 человек погибших, в основном солдаты охраны, казаки, приписанные к разным должностным лицам, и мелкие служащие — все, ехавшие в вагоне второго класса №4. Такое распределение погибших по вагонам, от головы поезда, само по себе не требует комментариев. Дело, однако, в том, что ни приведенное здесь распределение погибших по вагонам поезда, ни, тем более, какие-либо объяснения к этому в документах официального расследования вообще отсутствуют. Более того, вопрос эпицентра крушения никак не исследовался, не обсуждался и как бы совсем не существовал. Каким же было следствие по делу катастрофы государственного масштаба? Вся ли информация относительно поезда чрезвычайной важности была доступна следствию? Официальное следствие царь назначил сразу по возвращении в С.-Петербург. Руководить им было поручено А. Ф. Кони, обер-прокурору уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената. В помощь ему назначили инженера В. М. Верховского, члена совета по железнодорожным делам при МПС, редактора журнала «Железнодорожное дело». Кони и Верховский немедленно выехали в Харьков. Там уже работали прокуроры харьковской Судебной палаты и Окружного суда И. П. Закревский и Н. А. Дублянский со следователем по особо важным делам Марки, допрашивая всех свидетелей, находившихся в поезде чрезвычайной важности, и протоколы этих первых допросов, записанные еще до провозглашения официальной версии события, по горячим следам, по праву служат основой объективной картины происшествия. Сам Кони впоследствии так описывал свое появление на месте крушения:

«В час ночи 20 октября я был на месте. Когда, сопровождаемый управляющим дорогой и сторожами с факелами и фонарями, я бегло осмотрел место крушения и возвышающуюся громаду врезавшихся в землю паровозов и разрушенных, искалеченных и растерзанных вагонов, я пришел в большое смущение, ясно сознав, что от меня теперь ждет вся Россия разрешения роковой загадки над этой мрачной, бесформенной громадой развалин. Величие задачи, трудность ее и нахождение лицом к лицу с причинами и последствиями события, которое могло иметь роковое историческое значение, не могли не влиять на меня. Я искренне и горячо молил бога помочь мне и просветить меня в том испытании ума и совести, которое мне было послано судьбой».

Несмотря на явно беллетризованное описание, смущению известного судебного деятеля хочется верить. Однако «при свете факелов» перед ним предстали только последствия произошедшего и ничего больше. Причину и вместе с ней «разрешение роковой загадки» только предстояло выяснить. Уяснив для себя всю ответственность за возможный неверный шаг, Кони обставил свою миссию надежными страховочными фигурами, которым было поручено отработать две основные версии крушения — злоумышление или технический сбой по той или иной конкретной причине. Версию злого умысла или теракта отработывал С. Э. Зволянский, в ту пору секретарь Директора департамента полиции. Для объективной оценки технической стороны дела привлекли в качестве экспертов 14 специалистов — инженеров и ученых во главе с профессором, генералом Н. П. Петровым. Сам Кони избрал для себя исследование хозяйственной деятельности Курско-Харьковско-Азовской железной дороги как частной акционерной компании.

Весь процесс следствия протекал тут же, на месте крушения, куда подогнали несколько классных вагонов, в которых расположились члены следственной бригады, столовая и вагон, в котором, собственно, и шли допросы. Параллельно шла разборка и вывоз разрушенных вагонов поезда. Первым закончил свою часть работы С. Э. Зволянский и его коллеги из жандармского ведомства. Как водится, им пришлось разбираться с многочисленными доносами самых разных лиц, «в которых слишком ясно сквозила цель личного мщения тому или другому человеку». Все розыски и дознания, предпринятые в этом направлении, не дали никаких результатов, и Зволянский обратился к Кони с уведомлением, что его команде нечего делать на месте крушения и им лучше отбыть к месту постоянной службы. Кони не возражал. Зволянский написал Кони из Петербурга, что и министр внутренних дел, выслушав его подробный доклад, «со своей стороны нашел, что дело не представляет ни малейшего намека на политическое преступление». Такая позиция охранного ведомства вполне удовлетворила руководителя следствия, и он направил всю свою энергию на выявление всевозможных недочетов и злоупотреблений в железнодорожном ведомстве. Поднялась невиданная дотоле волна доносов, анонимных сообщений и устных докладов о различных махинациях с углем, поставками шпал, акциями К.Х.А. ж.д. и баснословных барышах владельцев железной дороги. Весь этот благодарный материал вместе с многочисленными нарушениями правил формирования и движения царских литерных поездов создавал впечатляющую картину общего стяжательства и безответственности. Честнейший прокурор Кони был ошеломлен и подавлен обилием кричащего негатива, не понимая, как при таких порядках вообще возможно какое-то железнодорожное сообщение в России. Оказалось, однако, что одной честности и порядочности мало для раскрытия истинных причин такого рода катастроф. Нужен профессионализм и холодная голова розысника. Убежденность Кони, что злоупотребления являются первопричиной крушения, сыграла с ним злую шутку, которая вела к судебной ошибке. Впрочем, обо всем по порядку.

Проведя месяц на месте крушения и каждый день питаюсь исключительно информацией о халатности и некомпетентности отдельных лиц ведомства путей сообщения, Кони твердо пришел к окончательному выводу по делу. Почти ежедневно он отправлял телеграммы и письма министру юстиции Манасеину с откровенными суждениями о положении дел и отдельных людях, своих сомнениях и наблюдениях. Кони и не знал, что все его письма Манасеин немедленно докладывал царю и тот их внимательно читал, отмечая синим карандашом наиболее любопытные места. Наконец, от министра юстиции 19 ноября 1888 года поступила телеграмма с просьбой немедленно прибыть в С.-Петербург для «личных объяснений по делу». Доклад царю состоялся 23 ноября в Гатчине, в присутствии министра юстиции. Кони вспоминал, как Манасеин всю дорогу до Гатчины усиленно крестился и бледнел. Все, однако, сошло как нельзя лучше. Царь принял их в своем скупо обставленном кабинете с низким потолком и полом, обитым синим сукном. Был он в простой серой тужурке, из-под которой проглядывала расшитая русская рубашка. Разговор с Александром III запомнился Кони до мелочей: «Государь подал мне руку, сказал, что желает от меня лично слышать о подробностях дела крушения, указал мне на очень неудобный пух, стоявший против него через стол, и закурил толстую папиросу, которую сменял несколько раз в течение нашего почти часового разговора. „Прежде чем

Император Александр III с семьей. 1889 год. Фото: С. Л. Левицкий. Royal Collection Trust Her Majesty Queen Elizabeth II. London. В центре император Александр III и великая княжна Ольга, сзади слева направо — великий князь Михаил, императрица Мария Федоровна, царевич Николай, великая княжна Ксения, великий князь Георгий.

представить Вашему Величеству подробный обзор хода и результатов предварительного следствия, — начал я свой доклад, — считаю необходимым изложить данные, которые убедили меня и командированных со мной вместе представителей государственной полиции и жандармского корпуса в полном отсутствии каких-либо следов государственного преступления в обстоятельствах крушения поезда...» «Не беспокойтесь это делать, — сказал мне Государь, — я знаю, что таких следов нет и быть не может. Я твердо убежден, что тут нет ничего политического, я увидел это тотчас же на месте. Это только министр путей сообщения Посыет старался меня тогда убедить, настаивая, что это, конечно, покушение на мою жизнь. Расскажите, как шло дело после того, как и вы убедились в отсутствии покушения».

Диалог Монарха со своим подданным настолько понятен им обоим, что этими двумя фразами можно было бы и закончить весь доклад, потому что дальше уже была рутинная, ни в коей мере Монарху неинтересная и скучная. За свою первую фразу о том, что он не усматривает в крушении никаких следов покушения, Кони сразу и надолго заслужил любовь и признательность Монарха. Как, оказывается, все просто! Министр Посыет, чтобы скрыть творящиеся в его ведомстве безобразия, пытался списать кошмарное крушение царского поезда на очередное покушение. Но, слава Богу, есть еще честные люди! Дальнейший доклад Кони построил в духе сдержанного обличения: «Тогда я начал подробный рассказ, представлявший картину преступной небрежности всех лиц, имевших касательство

к поезду чрезвычайной важности». Рассказ был действительно исчерпывающий, Кони не забыл ни одной фамилии, ни одного возмутительного факта. Похвально отозвался только в адрес управляющего Юго-Западной железной дороги С. Ю. Витте, предупреждавшего Посьета на станции Ковель о недопустимом составе и скорости поезда чрезвычайной важности. Остановился он и на заключении экспертов, озвучив основную версию происшествия: «расшитие пути, произведенное боковыми качаниями первого паровоза». Откровенная беседа прокурора с императором была увенчана естественным вопросом Монарха: «Итак, ваше мнение, что здесь была чрезвычайная небрежность?» Прокурор ответил в своем беллетризованном стиле: «Если характеризовать все происшествие одним словом, независимо от его исторического и нравственного значения, то можно сказать, что оно представляет сплошное неисполнение всеми своего долга». В конце беседы император поинтересовался, кого, собственно, прокурор собирается привлечь к суду, а когда услышал в ответ, что суда заслуживают все должностные лица от министра до начальника депо, то осторожно напомнил, что этот вопрос подлежит рассмотрению Особого совещания при Государственном совете. Прощаясь, Государь вежливо осведомился, когда Кони собирается вернуться к делам следствия, и милостиво разрешил ему подвергнуть допросу министра путей сообщения Посьета и начальника своей личной охраны Черевина.

Расследование причин катастрофы в Борках было поручено прокурору уголовного кассационного департамента Сената А. Ф. Кони. Архив Государственного музея политической истории России.

Возвращались они из Гатчины в хорошем настроении: Манасеин оттого, что все прошло благополучно, а Кони прикидывал наиболее выгодные пассажи своей обвинительной речи в Верховном суде. Жизнь выбирала при этом свои непредсказуемые повороты. Кони не преминул допросить сначала Посьета, а затем и Черевина в их служебных кабинетах под протокол. Это было весьма необычно для того времени, но совершенно бесполезно для следствия. Посьет вел себя замкнуто и настороженно, он совсем не отрицал очевидных упущений, находя для них вполне реальные объяснения. Черевин вообще заявил, что технические вопросы не его дело и он никогда не отдавал распоряжений, выходящих за рамки его компетенции, тем более Посьету. Черевин при этом остался верен себе и не удержался от острого слова. Он выразил Кони надежду, что Посьет не будет разжалован в матросы. Министр путей сообщения Посьет был по основной своей специальности моряк, в чине адмирала. Кроме того, Константин Николаевич Посьет был признанным и уважаемым организатором в области развития всех видов сообщения России, включая морские и сухопутные. Шельмовать такого заслуженного деятеля было затруднительно, и личная честность прокурора Кони, в данном случае, столкнулась с оппозицией всего железнодорожного и морского сообщества. Александру III была хорошо известна тяжелая моральная обстановка вокруг предполагаемого судебного преследования Посьета, и предстоящему обсуждению дела о крушении поезда в Особом совещании Государственного совета был послан недвусмысленный сигнал. Кони основательно подготовился к докладу на совещании, которое состоялось 6 февраля 1889 года. Кони вспоминал: «В небольшой комнате Мариинского дворца в 2 часа собрались участники совещания: председатели департаментов, министры внутренних дел, юстиции, императорского двора, управляющий морским министерством, вновь назначенный министр путей сообщения Паукер и государственный секретарь Половцов. Затем почти одновременно пришли великие князь Михаил Николаевич и Владимир Александрович. Когда все уселись у полукруглого стола, я занял место за небольшим столом в центре полукруга и, по предложению председателя, изложил сжато, но со всеми необходимыми техническими подробностями, результаты, раскрытые следствием, заключив перечислением лиц, привлеченных мною, с юридической квалификацией их деяний. Говорить пришлось около часу, все слушали с большим вниманием...». Мнения по докладу прокурора Кони присутствовавших на совещании вельмож и министерских чинов были большей частью сдержанными, но никак не радикальными. Постановили привлечь к ответственности Посьета и Шернваль (голосовали семеро «за», четверо «против»), без определения, каким образом и в каком качестве. Этот вопрос должен был решаться в Департаменте гражданских и духовных дел Государственного совета. Там действительно прошло несколько заседаний по вопросу, каждое из которых плавно спускало дело к отказу от рассмотрения его в суде. В конечном итоге решено было ограничиться административными мерами — Посьет и Шернваль получили по выговору без занесения в личный формуляр. Такое решение явилось полной неожиданностью для честного прокурора Кони: «Таким образом, гора, обещавшая родить Верховный Суд, родила даже не мыш, а мышонка. Этот результат был поистине возмутителен!» Даже возмущаясь, юрист Кони продолжал оставаться беллетристом. Эти строки он написал в 1923 году, находясь на советской службе, так и не осознав за тридцать с лишним лет, какую незавидную роль потерявшие

Станция Борки Харьковской губернии. Слева остатки вагона-столовой, в котором в момент крушения находилась Царская семья. Фото А. М. Иваницкого. Проведя тщательное расследование дела, Анатолий Федорович Кони пришел к заключению о «преступном неисполнении всеми своего долга». Участок пути Тарановка-Борки, на котором потерпел крушение царский поезд, еще летом того же 1888 года был признан аварийным, и машинистам рекомендовали тихую езду. При крушении погибла также любимая собака Государя, лайка Камчатка. Александр III получил травму ноги, а собака в момент крушения лежала у его ног. Тело Камчатки привезли в Гатчинский дворец и похоронили в Собственном Его Императорского Величества саду.

го зрение и обоняние следователя сыграл в пьесе, поставленной совсем на другую тему. Окончательно вопрос наказания виновных в крушении поезда был закрыт в апреле 1889 года, когда по желанию императора совещание особого присутствия, «с благоговением перед великодушным намерением монарха проявить свое милосердие», прекратило все возбужденные по делу преследования. Лично для Кони Александр III посчитал необходимым «подсластить пилюлю», и тогда же, в апреле, грудь прокурора украсила звезда ордена святого Станислава первой степени. Так был оценен многотомный труд следственной группы — «Крушение поезда чрезвычайной важности».

Несмотря на формальное завершение дела о крушении, страсти вокруг него продолжали кипеть. Тревожный сигнал получил и сам прокурор Кони, отправившийся в Европу успокоить расшатавшиеся нервы. Приехав в Германию летом 1890 года, он в первой же немецкой газете Berliner Tageblatt («Белинский дневной листок») прочитал перепечатку из газеты Temps («Время»), в которой говорилось, что парижский следователь Atalin при обыске и аресте группы русских радикальных эмигрантов, устроивших в пригороде Парижа мастерскую по изготовлению динамитных бомб, обнаружил в их бумагах *le plan de la catastrophe de Borky* («план катастрофы в Борках»). Газета делала естественный вывод о политическом характере крушения царского поезда в Борках. Кони пришлось пережить в Берлине тяжелое чувство непоправимой ошибки, допущенной следствием. Он немедленно написал письмо министру юстиции Манасеину, предлагая вернуться в Петербург для разъяснений по делу. Манасеин ответил, что возвращаться не нужно, так как никаких изменений во взгляде на дело не произошло, и что дошедшие до Кони сведения неверны. В Париже действительно местная полиция накрыла динамитную мастерскую русских эмигрантов, готовивших покушение на Александра III, но, как выяснилось, арестованные «бомбисты» не имели никакого отношения к ор-

ганизации крушения в Борках. Кони мог облегченно вздохнуть, но решил, что именно газетные сообщения из Парижа послужили причиной сомнений о правильности выводов его следствия: «Но, тем не менее, заметка сделала свое дело. Посьет и его друзья подняли голову и стали громко вопить о политическом преступлении. Мало-помалу создавалась легенда о фантастическом поваренке — виновнике взрыва — и упрочилась в общественном сознании, извратив то „общее мнение“, к которому так презрительно отнесся Победоносцев». То, что Кони назвал легендой, в действительности было тщательно скрываемой правдой. Сомнения в объективности расследования Кони появились сразу, еще на стадии следственных действий. Они высказывались не только в кругу специалистов железнодорожного дела, но и в осведомленных придворных кругах, куда просочились сведения об имевшем место параллельном следствии, проводившемся секретно под контролем начальника личной охраны императора генерал-адъютанта П. А. Черевина. В то время, когда «судебный соловей» А. Ф. Кони вовсю старался подпереть официальную версию крушения, силами подчиненной Черевину службы, которую возглавлял полковник Ширинкин, было проведено оперативное дознание. В поезде чрезвычайной важности Ширинкин исполнял обязанности коменданта, ведая вопросами контроля за всеми пассажирами и действиями охраны поезда на стоянках. Только ему был известен персональный состав пассажиров каждого вагона. Кроме того, у каждого пассажира поезда имелся именной железнодорожный билет с фотографией, что позволяло охране вести тщательный контроль перемещения пассажиров внутри поезда. Особому контролю подлежали лица придворного ведомства и, прежде всего, обслуживающий персонал: лакеи, официанты, повара и т. д. Ширинкин начал действовать немедленно после крушения: весь уцелевший персонал obsługi придворного ведомства был взят на учет, то есть, отделен от служащих МПС и прикомандированных к поезду сотрудников

иных ведомств. Все служащие придворного ведомства были эвакуированы с места катастрофы прибывшим резервным поездом и после оказания первой медицинской помощи доставлены в Петербург. Таким образом, для следователей, прибывших из Харькова, а тем более для прокурора Кони, оказавшегося на месте крушения через несколько дней, остались в наличии только свидетели, бывшие за пределами эпицентра крушения. Другая часть свидетелей, а именно, оставшиеся в живых пассажиры вагона №4 литер «I» и обслуживающий персонал вагонов №5 литер «R» (кухня), №6 литер «N» (буфет) и №7 литер «L» (столовая), стали объектом дознания полковника Ширинкина. Это были наиболее ценные свидетели катастрофы, так как все они в момент крушения находились на рабочих местах и выполняли свои служебные обязанности. Простой опрос этих людей, без составления ненужных протоколов, дал Ширинкину объективную и, главное, достоверную картину происшедшего, вплоть до выявления первого подозреваемого. Наиболее интересными для дознания были сотрудники вагона №5 (кухня), где во время крушения кипела работа — императорская семья изволила завтракать. Как видно из схемы крушения поезда, вагон-кухня отлетел влево по ходу движения, под насыпь, и полностью разрушился. При этом погиб только повар 1-го разряда Михаил Сафронов, остальные работники кухни, включая старшего повара Ивана Бернадского, общим числом 10 человек, были ранены, причем один поваренный ученик исчез. Установить исчезновение поваренного ученика было просто. На кухне числилось всего 11 человек: старший повар, пять поваров 1-го и 2-го разрядов и пять поваренных учеников, по одному на каждого повара. Для понимания специфики кухонной работы надо помнить, что каждый повар трудился над определенным видом блюд (салаты и закуски, супы, горячие блюда из рыбы и мяса, десерты), которые являлись его профессиональной специализацией. Быстрота и эффективность работы повара в условиях поезда требовала наличия помощника для подсобных, заготовительных работ. В царском вагоне-кухне каждому повару полагался поваренный ученик, именно в качестве помощника. При проверке наличия поварского состава кухни Ширинкин обнаружил пропажу одного поваренного ученика. Четверо поваренных учеников: Степан Макешин, Семен Леонов, Алексей Николаев и Михаил Козлов — были ранены, а один, имя которого не называется в списке, исчез. Разумеется, Ширинкин выяснил, при каких обстоятельствах и в какой момент исчез поваренный ученик. Все его беседы с работниками кухни велись без протокола, но с предупреждением каждого о «неразглашении». Впрочем, кухонные работники дорожили своим местом и не имели повода к болтовне, но человеческий фактор неизбежно сработал. Кроме того, кухонные работники поделились с Ширинкиным своими ощущениями от момента крушения, однозначно определив его как взрыв (хлопок, удар и т. д.). В результате сложилась реальная картина происшествия — подготовленная одним человеком диверсия, с помощью взрывного устройства, с часовым механизмом срабатывания. Взрывное устройство располагалось, скорее всего, где-то в вагоне №4, рядом с местом, где ночевали работники кухни.

Дальнейшее расследование стало делом техники: были немедленно установлены лица, рекомендовавшие поварского ученика на царскую службу, и действительные мотивы этих лиц. Черевин доложил результаты секретного дознания царю раньше доклада Кони, так что, слушая доклад прокурора, Александр III уже знал, как и что было на самом деле.

Император, убедившись в абсолютной уверенности прокурора в результатах официального расследования, полностью поддержал его выводы, но в дальнейшем спустил все дело на тормозах, заняв удобную позицию милосердного Монарха. Зачем императору понадобился столь сложный камуфляж очевидного факта, который невозможно было утаить? Вопрос этот занимал и современников. Сын пострадавшего по делу о крушении инспектора Императорских поездов барона Таубе, Михаил Александрович Таубе, с горечью вспоминал: «В полугодовой день после катастрофы все ее пережившие были собраны в Гатчинский дворец на благодарственный молебен и на панихиду по убитым или с тех пор скончавшимся. Государь лично сказал адмиралу Посьету и моему отцу, что он теперь знает об их невиновности, тем не менее, никто в своих должностях восстановлен не был, истина о Боркской катастрофе объявлена во всеобщее сведение не была, и обещание, данное государем затем адмиралу Посьету, дабы снять с инженерного ведомства огульное против него обвинение, исполнено Александром III не было». После богослужения и завтрака в Гатчинском дворце барон Таубе был удостоен продолжительной беседы с Государем и императрицей Марией Федоровной. Бывший инспектор царских поездов с удивлением узнал, что ему положена необычно высокая по тем временам пенсия в 5000 рублей. Царских милостей был удостоен и адмирал Посьет, отнюдь не разжалованный в матросы, а ставший членом Государственного Совета. Несмотря на все это, удручающее впечатление от явно выраженной административной лжи сохранялось, вместе с недоумением, вызванным малопонятным поведением императора. Александр III, успокаивая своих верноподданных Посьета и Таубе и как бы извиняясь перед ними, не мог разъяснить, что все происшедшее в Борках — это всего лишь продолжение давнего династического кризиса, а точнее — взаиморасчетов по нему. Крушение в Борках, таким образом, было раскрыто по горячим следам, причем был точно установлен исполнитель акции, которому удалось скрыться. Технически и организационно все было сделано на самом высоком уровне, быть может, потому еще, что в деле участвовали буквально два—три лица. Взрывчатку самого высокого качества можно было без труда приобрести во Франции, где располагалась штаб-квартира Альфреда Нобеля и десятки заводов по производству динамитов и взрывателей к ним, в самом широком ассортименте. Труднее было внедрить или завербовать человека в придворном ведомстве русского императора. Эта задача была по силам только людям, близко знакомым с порядком формирования штаба obsługi и, в частности, гофмаршальской службы. На императорской кухне работали династии лучших поваров. Обязательным компонентом их профессиональной подготовки была стажировка в парижских ресторанах самого высокого класса, где они шлифовали свое мастерство. Скорее всего, вербовка повара для специальной акции происходила именно в Париже, а уже сам повар подобрал, или ему помогли подобрать, в исполнители поваренного ученика. Все эти обстоятельства дознание под руководством Черевина смогло установить в процессе опроса поваров, а затем, пользуясь дедуктивным методом, безошибочно вышло на заказчика акции. Объявить такой результат во всеуслышание не представлялось возможным, так как отсутствовало важное звено в цепи в виде исчезнувшего поваренного ученика. Можно было свалить крушение на революционеров, но и здесь цепочка не выстраивалась. Именно в это время известный террорист Л. А. Тихомиров объявил о своем разрыве с революционным прошлым и обратился к царю с просьбой

Вид на храм Христа Спасителя Преславного Преображения и часовню Нерукотворного образа Спаса, воздвигнутые на месте крушения царского поезда 17 октября 1888 года. Фото А. М. Иваницкого. Дата съемки 14 июня 1894 года. ЦГАКФД, СПб. Храм построен по проекту академика архитектуры Р. Р. Марфельда в русско-византийском стиле XVII века. Строительство завершилось в 1894 году. До нашего времени сохранилась лишь часовня Нерукотворного Спаса.

о помиловании. Когда Тихомиров прочел в газетах о крушении царского поезда в Борках, он немедленно отправил письмо директору Департамента полиции П. Н. Дурново. Письмо датировано 23 октября 1888 года, то есть сразу после катастрофы: «Ваше превосходительство! В настоящие дни вся русская колония в Париже, воссылая благодарственные мольбы Промыслу, сохранившему драгоценные дни Государя Императора и Его Августейшего Семейства при несчастном случае в Борках, шлет на родину радостные поздравления...». Вместе с радостью по поводу сохранения драгоценных дней, Тихомиров недвусмысленно дал понять Департаменту полиции, что русская революционная колония в Европе не имеет к происшедшему в Борках никакого отношения. Это письмо известного деятеля террора снимало последние сомнения в авторе акции с поездом чрезвычайной важности. Сам император ни минуты не сомневался относительно того, «кто все это устроил». Доклад Черевина о проведенном дознании и письмо Тихомирова только подтверждали единственно правильный вывод. Для полной уверенности императору стоило перечитать одно из последних писем к нему княгини Юрьевской: «...Все Ему видно с небес, и Он не меня обвинит в чем-нибудь. Напротив того Он, как и Вы, видите, как я себя держу, и сделала ли я что-либо неприятного Вам со дня Его смерти, и сколько терпения надо было мне, чтобы перенести все оскорбления. Могу Вам сказать откровенно, что из истинной дружбы к Вам только, благодаря моему влиянию многие мемуары (Вашего семейства) не были

публикованы до сих пор. Но так как меня не щадят, я ни за кого более не отвечаю. Надеюсь, Вы мне напишете, чего я буду ждать с нетерпением, дабы принять необходимые меры для моего возвращения или же моего пребывания за границей». Как известно, княгине Юрьевской было указано оставаться в Европе...

Чтобы окончательно развеять туман вокруг крушения поезда чрезвычайной важности, необходимо заметить, что взрыв в вагоне №4 был рассчитан настолько точно, что от полного уничтожения всех пассажиров в середине состава спасло только мастерство машинистов паровозов, удержавших минимальную скорость поезда при его движении под уклон. Наличие провидения, в данном случае, очень похоже на предзнаменование надвигающейся беды, а не на избавление от нее...

ПРИМЕЧАНИЕ:

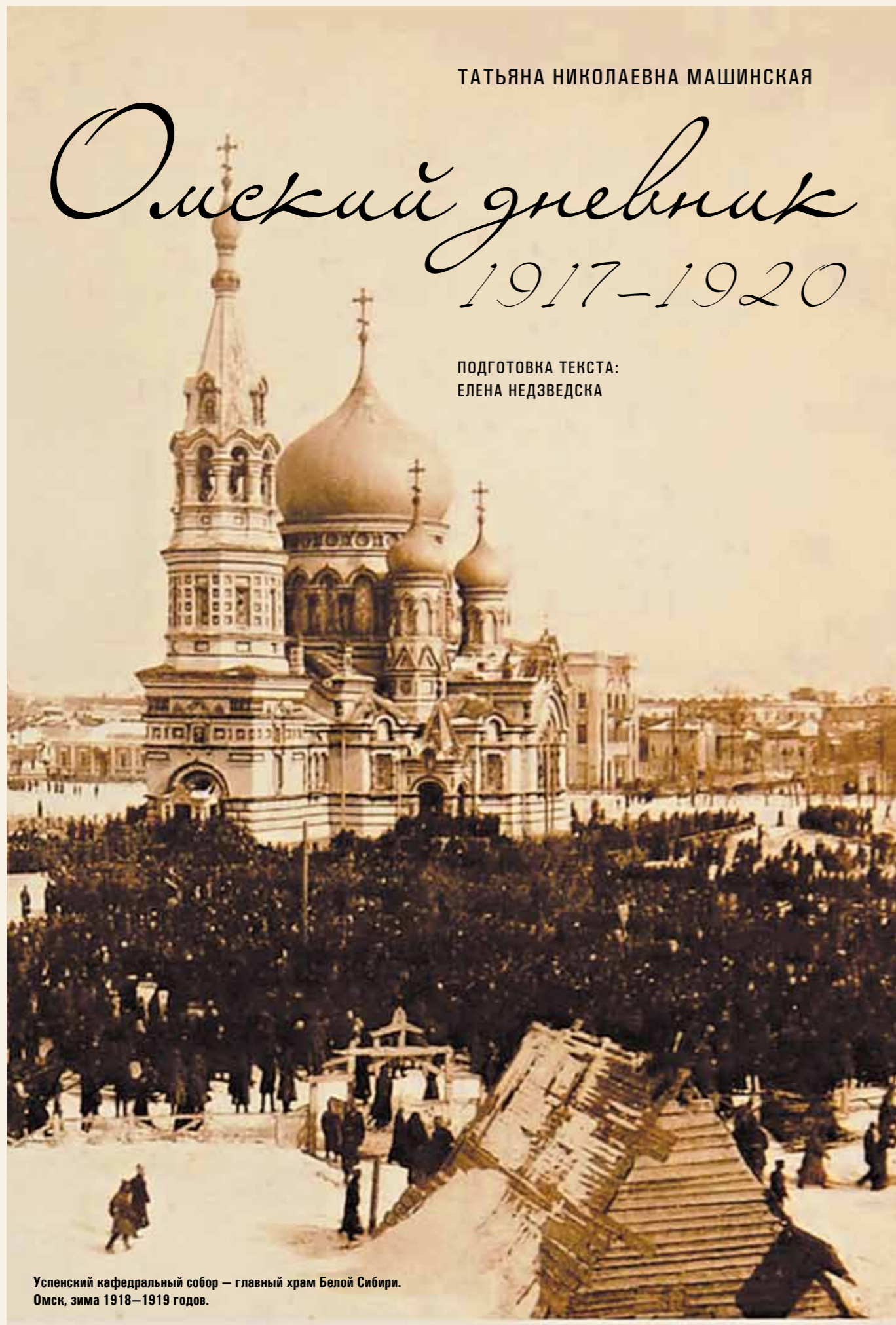
В подготовке статьи использованы следующие материалы:

1. ГАРФ, фонд 677 (Александра III), опись 1, дела 134, 1061;
2. ГАРФ, фонд 102 (Департамент полиции), дело 545;
3. Кони А. Ф., собрание сочинений в 8-ми томах, 1966 г.;
4. Таубе М. А., «Зарницы», Бахметьевский архив Колумбийского университета;
5. Богданович А. В., «Три последних самодержца», Дневник, М-Л, 1924 г.

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА МАШИНСКАЯ

Омский дневник 1917–1920

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА:
ЕЛЕНА НЕДЗВЕДСКА

Успенский кафедральный собор — главный храм Белой Сибири.
Омск, зима 1918–1919 годов.

Татьяна Николаевна — дочь тарского и омского купца 1-й гильдии Николая Николаевича Машинского. С ранних лет вела дневники, в которых запечатлела Омск дореволюционный, Омск Временного Сибирского правительства и дорогу в поезде с частями Чехословацкого корпуса по Транссибирской магистрали. Жила в эмиграции в Праге.

ПРОДОЛЖЕНИЕ. НАЧАЛО В № 7–10/2014

ТЫЛ И ФРОНТ

Вечером не дает уснуть оживленный разговор Сережи и его преданного друга Гоги Зале. «Идти на фронт — и никаких гвоздей! — грубовато и решительно говорит Сережа. — Что же, в конце концов, получится, если такие вот, как ты, маменькины сынки будут прятаться в тылу? Легко устроиться — попрыгаться по министерствам и пускай „серая скотинка“ за нас дерется, ну а мы явимся на готовенькое, когда кто-то за нас восстановит в стране порядок, транспорт, снабжение? Не так что ли? Чужими руками жар загребать легко!» «Но, Сережа, ты все-таки пойми, — мямлит Гога капризным и нудным голосом, — опять спать на соломе, есть кашу — это же, в конце концов, ужасно!» «Да если бы все, как ты, рассуждали, до чего бы мы докатились? Ничего не поделаешь... и мне хотелось бы пригреться у огонька, наплевать на Гражданскую, подлее которой и быть не может, да ведь все тогда полетит к черту!» На другое утро оба отправляются на фронт, Сережа с Гогой едут на одном извозчике, Афанасий с чемоданами на другом. Оба друга едут на Урал.

Обмундирование, посланное на фронт, кем-то явно задерживается и с большим запозданием или же вовсе не доставляется по назначению. Генерал Сахаров предал белую идею: он работал на руку красным до тех пор, пока окончательно не перешел на сторону врагов с целой армией, которой являлся командиром. Вместо него командиром назначен генерал Лохвицкий.

И вот, несмотря на измены и предательства, рубикон «Азия—Европа» перейден. Николай Васильевич прислал нам интересные снимки: адмирал у остроколенной колонны «Азия—Европа», сидит он у подножия этого памятника, рядом с ним князь Голицын и наш Ник. Добровольческие войска идут вперед на Москву, на юге успешно продвигается Деникин, и, если бы не тыл, в котором прячутся здоровые и молодые люди, место которых на фронте, все могло бы быть иным. Приезжающая с фронта боевая молодежь присматривается к тылу, проникается недоверием к обществу и правительству, приходит в отчаянье, не веря ни во что и никому, часто кончает жизнь самоубийством или же, чувствуя приближающую смерть, от отчаянья бросается кутить, чтобы забыть хоть бы на время, что где-то на станциях стоят уныло забытые эшелоны и что красные массой катятся и сметаю на своем пути белогвардейские отряды.

В военном собрании шумно и бесшабашно весело. В черной черкеске высокий и красивый ротмистр танцует «наурскую». Лицо его бледно, движения четки и пластичны. Ему аплодируют, в зале накурено и душно. Гусары в красных рейтузах. Корниловцы с нашивкой черепа и костей на правом рукаве, морские офицеры с золотыми нашивками на рукавах мундира. Рядом в большом зале с ярко горящими люстрами — танцы. Духовой оркестр играет вальс «Осенний сон», кружатся пары, звенят шпоры. Рядом в буфете звенят бокалы, льется вино и шампанское. Что это?

Пир во время чумы? Или «сегодня я живу, и день сегодня мой...»? Вальс закончился, отзвучала мазурка, на сцене под звуки «В далекой знойной Аргентине...» женщина в черном шелковом платье со своим партнером танцует танго. На тротуаре фонарь, и на сырой земле труп убитого офицера — рядом с ним милиционер, ждет следственной комиссии. Должно быть, это опять чья-то политическая месть.

НАШИ ГОСТИ — ИНОСТРАНЦЫ

Ольга Яковлевна Хворинова, начальница собственной гимназии, после окончания уроков в одном из своих залов устраивает пятичасовой чай. Ее дочери, мы и обе сестры Скороходовы занялись приготовлением бутербродов. Приглашены не только знакомые, как Констич Бодиско, Зале, племянник писателя гардемарин Немирович-Данченко, но и знакомые иностранцы из шведской, канадской и английской миссии. Накануне барон Фриц фон Лиленкрейц, атташе шведской миссии, нанес нам визит и оставил свою карточку с загнутым углом, был у нас с визитом и мистер Вильгрес, секретарь английского посольства, последний молод, весел и энергичен. Назначение в далекую и холодную Сибирь для него — «парти де плезир», интересное путешествие с полным комфортом в вагонах L международного экспресса, и в дальнейшем пребывание в Сибири сулит ему жизненные блага, обеспеченную карьеру вплоть до поста канадского посла в Лондоне.

Ганя Скороходова оживленно беседует с мистером Седегрэном. Это высокий молодой человек, немного уже говорящий по-русски. Ганя взяла его под свое покровительство и, как нам сказал Борис, последнее время что-то уж очень заинтересовалась шведским языком. По всем данным, эта пара вполне понимает друг друга, станцевались в *one-step'e* и часто встречаются на катке. Очевидно иностранцы очень хорошо себя чувствуют в русском обществе, где действительно можно повеселиться, все развлекаются вместе, все сплотились, никто не чувствует себя одиноким и чужим.

У НАС НА КАТКЕ

И у нас на катке оживленно. Играют в хоккей, стучат палки, дико кричат «Гоол», палки от восторга потрясаются в воздухе. После катка пятиминутный чай с заварными калачиками с кремом, на которые такой мастер наш повар — чех Василий Васильевич.

Как только Фрося унесла со стола чайную посуду, мы сняли скатерть и занялись пинг-понгом. Мистер Вильгерс несколько раз падал на пол, у него какие-то особенные кожаные подошвы, которые скользят, и ему при движении трудно в них сохранить равновесие, однако он проворно вскакивал с пола и при всеобщем смехе пресмешно размахивал руками, снова растягивался на полу. В гостиной Констич Бодиско отчаянно разыгрывал испанский танец: вместе с Ниной Скороходовой они будут выступать в нем на маскараде:

*Ночь над Сивильей спустилась,
Благоухают сады...*

Пара будет хоть куда! Ольга Владимировна за пианино, а они оба крадутся в танце, Кармен и Тореадор — он размахивает почти над Ниной головой красной бархатной скатертью со стола угловой комнаты, а она скользит по залу и вызывающе постукивает каблуками, играя глазами и веером.

Решено, что Ляля и Боба будут выступать в танце как Пьеро и Коломбина, а меня, кажется, собираются одеть неаполитанской рыбачкой. Фрося подходит ко мне и тихо мне говорит, что ванна уже готова. Жаль покидать гостиную, где так шумно и весело. В ванную доносятся голоса и взрывы смеха.

Печка раскалилась докрасна, на окнах причудливые узоры, дерево протягивает свои длинные голые ветви. Может быть, там, далеко, идет революция, там, дале-

ко, темно и страшно, но не здесь, не в нашем доме, где все молоды, дружны, где все мы счастливы и любим друг друга.

КЛАССОВЫЕ ВРАГИ

Истопник Ян, мадьяр из военнопленных, каждое утро топит печи. В Володином френче и рейтузах, он тихими шагами ходит по комнатам и затапливает. Сначала в передней, затем тихо переходит в гостиную, столовую и дальше. У него правильные черты лица, но все лицо скрыто под густыми бровями и усами. Затапив в печи, он спускается вниз, иногда вместо Фроси открывая на звонки входную дверь. Он всегда молчит, я даже не знаю, какой у него голос, наверное, хриплый и простуженный. Говорят, что он ухаживает за Фросей и что он коммунист. На крыльце, выходящем во двор, Ян старательно чистит Володину военную форму, Володя сказал, что Ян хороший, значит, так и есть на самом деле. Мы все склонны верить, что тот или другой человек «хороший», «бедный», «несчастный», но чтобы он был «вредным», «дурным», противного политического направления — делить людей на врагов или друзей мы до сих пор не научились.

Белая армия держится за идею: великую и неделимую Россию, против большевизма, который в настоящий момент олицетворение анархии — это всем понятно. До революции Россия шла быстрыми шагами к прогрессу — сейчас она остановилась, кругом разруха, наступает голод. Ленин кричит о социализме, все силы масс направлены на классовую борьбу, разжигает ненависть и месть, сулит народу равенство и счастливое будущее, ну что ж — если ты веришь в победу коммунизма, попробуй докажи это на деле, построй что-нибудь лучшее, освободи народ от каторжного труда, создай этот рай на земле, но не этой же страшной ценой, не этим же кровавым путем, принося в жертву миллионы невинных людей. Вот, должно быть, и Ян верит в это счастливое будущее, когда жить будет лучше и легче, но не ждет ли его разочарование и не есть ли все это только громкие слова и не есть ли это только лозунги, за которыми скрывается обман — всегда кто-нибудь будет наверху при всех режимах, а внизу останутся рабы — рабочие со своим тяжелым трудом, если им на помощь не придет техника, машины, новые и новые изобретения, все равно откуда — из родной страны

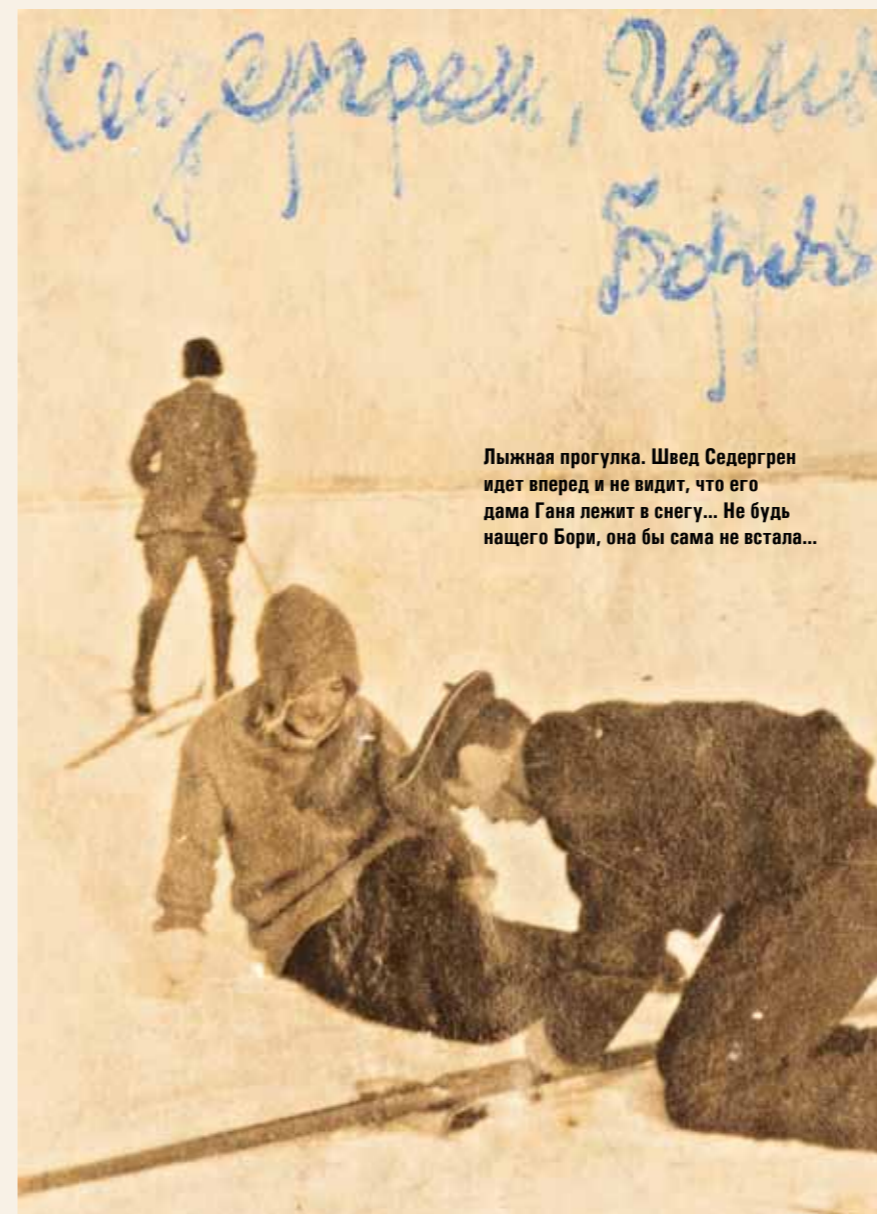
или из-за границы. Дрова разгорелись и тихо потрескивают в печи. Ян выходит из комнаты и теми же неслышными шагами спускается с лестницы. Неужели, Ян, ты нас за что-то ненавидишь? Неужели мы с тобой, Ян, тоже классовые враги?

ЛЫЖНЫЙ СПОРТ

Свинцовое, мрачное небо повисло над Иртышом, покрытым густым покровом снега. Снег падает, падает, кругом безбрежные просторы широкой реки и степей. Все воскресное утро мы на лыжах. Лыжи легко скользят туда, на другой берег к камышам, где холмы и где можно покататься со склонов холмов. И вот Борис Владимирович Тривеллер, отец большого семейства, неплохой лыжник, решил нам показать свою первоклассную езду. Он предварительно разбежался, подпрыгнул, как на трамплине, затем птицей понесся вниз, но не успели мы ахнуть от восхищения, как вдруг его понесло куда-то в сторону, и вместе с лыжами и палками он полетел с крутой горы, подняв целую тучу снега, и затем совершенно исчез в снегу. Несмотря на большое к нему уважение, многие из нас не могли удержаться от смеха, затем мы помогли ему вылезти из сугроба, очистили его от снега и смущенного отвели в сторону, убеждая его в том, что он, конечно, сегодня не был в форме, иначе с ним этого конфуза не случилось бы.

Неожиданно к нашей группе лыжников подъехала мама с красавицей артисткой Глинской. Кучер с трудом осадил разгоряченного Туза, от которого валил густой пар. Обе, закутанные в меха и свежие от мороза, вышли из саней посмотреть на нас, как оживленно и весело мы катаемся с гор. Володя развеселился, сбросил свой полушубок на снег, подхватил Нину Скороходову за талию и пустился с ней кружиться в вальсе.

Снег перестал падать, небо посветлело. Выглянуло солнце, и сразу все озарилось и засверкало: и речной лед, и на проталинах, и снежные вершины. Лед заискрился, засверкал то зеленоватым светом, то ярко-голубым, отражая лазурное небо. Свет и тени — все оказалось в движении. На обратном пути быстро стало темнеть, огни города загорелись ярче — степи же все больше и больше окутывала мгла. От легкой ли усталости или же от однообразия снеговых пространств чуть-чуть кружилась голова и немного клонило ко сну.

Лыжная прогулка. Швед Седегрэн идет вперед и не видит, что его дама Ганя лежит в снегу... Не будь нашего Бори, она бы сама не встала...

БАЛ НА ЛЬДУ

«Бал на льду» — так гласит разрисованная цветными карандашами программа, висящая в передней и коридоре:

«Чертово колесо» — аттракция зимнего сезона,

Танцы на льду,

*Выступление В. Машинского,
/его сотрудники: Б. Скороходов*

и К. Бодиско/

Заметка: мальчики раздеваются у Володечки, девочки у Ольги.

Большой круг на Иртыше заранее очищен от снега, и снег делает природный барьер. Длинный деревянный шест прикреплен к колесу, вбитому и крепко замороженному во льду. К другому концу привязаны санки; колесо крутится двумя-тремя любителями из зрителей. Сначала санки с «жертвой» едут небольшой скоростью, потом разгоняются

и несутся кругом так быстро, что «жертва» уже не в состоянии удержаться на них, сил больше не хватает судорожно вцепиться в сани, руки разжимаются, и человек с саней летит в сугроб. После обеда оживленные звонки в передней, приветствие гостей, затем переодевание в светры, спортивные куртки, шапки и рукавицы. Зрителей на льду толпа, смех, шуточки, остроты, много яркого солнца, погода ясная, праздничная. На санях, отчаянно вцепившись в ручки саней и стоя на коленях, удерживаются только долго аплодировала, но Констич Бодиско быстро сорвался с саней, пронесся по льду и смущенно спрятался в толпе, кто-то на него накинул его лицейскую

шинель, Борис Скороходов взял его под руку и со смехом повел его зашивать.

Теперь очередь прокатиться осталась за Ганей. Она становится тоже на колени на сани и через мгновение мимо нас, зрителей, проносится ее белая меховая шапочка, развеивается клетчатый шарф, мелькнуло свежее румяное лицо, но и она не удерживается, летит в сугроб, по пути подбивая Ольгу Владимировну, которая по неосторожности очутилась за кругом, предназначенным для зрителей. Ганя смеется, обнажая ряд белых и ровных зубов. Ольга Владимировна не смеется. Она сначала краснеет, потом бледнеет. Мама берет ее под руку и уводит из толпы. Они медленно поднимаются по высокой лестнице в сад, вот они уже обе наверху и скрылись из виду. Что с Ольгой Владимировной, не сломала ли она руки или ноги? Нам становится неуютно. Смелчаки продолжают вращаться, приспособившись и уже не так часто срываясь с саней. Смеркается, пора, однако, расходиться. Кто-то в столовой затеял пинг-понг.

Но где же Ольга Владимировна? Внизу ее не видно — Ганя очень смущена, чувствуя, что это она причинила ей вред. По телефону вызывают врача, который после осмотра Ольги Владимировны на наши вопросы, что с ней, говорит, что у нее надтреснуто ребро и что его необходимо дать в гипс. Так печально кончился наш бал на льду, веселье не идет на ум. Папа, узнавший о случившемся, возмущается нами: «Такое развлечение — варварство, и никаким другим именем его не назовешь!» Володе как инициатору попадает больше всех. «Чертово колесо» провалилось, его больше не будет, папа его категорически запретил. «Finita la comedia!» — со вздохом говорит Володя.

ИГРА В ЖМУРКИ

И кто затеял эти глупые «жмурки»? Стол в столовой отодвинут, стулья оттащены в сторону. Играют в жмурки и большие, и маленькие, даже Гога принимает участие. Рандрупп, у которого после обильного ужина одышка, «жмурит», и несмотря на то, что у него глаза плохо завязаны салфеткой, он, погнавшись, должно быть, для отвода глаз, за окружающими, ловит хорошенькую Наталью Иллиодоровну, поймав ее, обнимает и лишь потом, как бы догадавшись, кто это, со смехом снимает салфетку. В том, что Володя жульничает и тоже гоняется за

Британские солдаты Миддлсекского полка маршируют на Люблинском проспекте в 40-градусный мороз. Многие солдаты этого полка до Сибири проходили службу в Индии. Омск, зима 1918–1919 годов.

Натальей Иллиодоровной, у нас просто нет сомнений. «Нечестно! Нечестно!» — кричим мы, прерываем игру и громко доказываем присутствующим, что салфетка у него завязана неплотно и что он, во всяком случае, видит ноги. Кошек играет «на совесть» обнимая и ошупывая Борину голову, он называет то мое, то Лялино имя и всегда при общем смехе попадает впросак.

Теперь моя очередь быть «жмуркой», с распростертыми руками я кидаюсь то в одну сторону, то в другую, быстро оборачиваюсь, чувствуя, что кто-то меня тянет за косу, попадаю в угол, натыкаюсь на буфет. «Огонь» — кричит мне кто-то, но я продолжаю махать руками, задеваю стену и натыкаюсь на иглу, кем-то неосторожно воткнутую в стену. Острая боль пронизывает все существо, я срываю салфетку и плачу. Сначала кругом недоумение, растерянность. Что случилось? И почему я плачу? Кто-то старается вытащить иглу, кровь течет и каплями падает на пол. Мне дурно — Лина приносит воду, наскоро мне бинтуют руку.

«Необходимо руку показать врачу», — говорит папа. Кошек надевает мне шубу, и вместе с ним и мамой мы идем в лазарет, который в пяти минутах ходьбы от нашего дома. Лазарет «наш». Весь свой дом папа отдал в распоряжение чехов. Кошек что-то кому-то сказал. Вспыхнуло электричество в амбулаторном отделении, появился доктор в белом

халате, дежурная сестра — рана промыта бенином, кусок иголки изъят при помощи пинцета, рука хорошо забинтована. Мама благодарит врача, и мы снова оказываемся на свежем воздухе. Майор меня хвалит за то, что я удивительно терпеливая, я прекрасно знаю, что он преувеличивает, но мне приятно его внимание и также всех окружающих, которые рады, что все окончилось благополучно.

Рука забинтована и висит на перевязи, значит, что можно не делать письменных работ. Весь класс пишет, только перья скрипят, а я могу считать галок на деревьях и мечтать о том, что скоро кончится урок, раздастся желанный звонок и я по свежему снежку поеду домой.

Как много снега навалило! Только одна дорожка к беседе расчищена. Деревья стоят опущенные, и ветвям, наверное, нелегко от тяжелого снега. На верхушке дерева встрепенулась галка. Тяжело взмахнула крыльями и крикнула «кар». А что, если в этом ее крике и есть самое существенное, самое важное и совсем ей не тяжело лететь, только сниматься с места трудно. Летит себе в голубое пространство, летит себе мудрая птица и знает, куда и зачем летит и почему кричит свое «кар», а я вот стою себе, дивлюсь на нее, как на чудо, и ничего не понимаю: и зачем живу на свете, и почему порой страдаю и что-то такое предчувствую, а что — так себе и не уясняю...

РОЖДЕСТВО

Рождество прошло тихо, почти незаметно. Под зажженным киотом горела небольшая елка. Мы молчали и смотрели на мигающие свечи. Было почему-то грустно. Свечи оплыли и тускло замигали. Папа запел:

*Рождество Твое, Христе Боже наш,
Ангеле поют на небесе...*

Потом, меня торжественный тон на светский и веселый, пригласил всех к столу, разливая ближайшим соседям холодную водочку и приступая к закуске. Под конец ужина в дверях появилась крупная фигура Кошека, он принес с собой в коробке от обуви орехи и конфеты. Мы шумно обрадовались угощению, так как таких вещей в продаже теперь не бывает. Затруднение стало даже с сахаром. Родители вскоре нас покинули, а мы расшалились и развеселились.

Гога спросил майора, забравшись на стул и его обнимая: «Почему вы майор кошек, а не собачек?» «А почему тебя зовут Гогой? Отвечай мне!» — пошутил майор, поднимая Гогу на локтях и раскачивая его в разные стороны. Наконец, и Кошек пожелал нам спокойной ночи. Коля разошелся, незаметно прокрался в переднюю, надел фуражку майора и, потирая руки его характерным жестом, раскланиваясь и в точности копируя его голос, сказал: «Ну ничего, все как-нибудь образуется». Но так ли на самом деле весело живется и разве можно забыть, что идет жестокая Гражданская война?!

Милан Штефаник и Радола Гайда. Омск, декабрь 1918 года.

Во главе Красной армии еврей Троцкий-Бронштейн. Его сильная воля устремлена к власти — фронт поколебался, ползут упорные слухи, что Белая армия отступает — ее враги вредят в тылу, им не нужна великая и сильная Россия!

В ЧЕЛОВЕКЕ ВСЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРЕКРАСНО

«В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», — так сказал А. П. Чехов. Ну, начну сначала и подробно опишу этот день. Занятий в гимназии почти не было, если не считать два-три урока. Распустили нас рано, в 11 часов. Я возвращаюсь домой, у кадетского корпуса встречаю батальон на днях приехавших в Омск англичан. Они тепло одеты, на шинелях меховые воротники, на ногах штилеты на толстой подошве и обмотки, но какие они маленькие в сравнении с нашими сибирскими стрелками! Они шли бодро, коротким шагом, пели и свистели: *It's long way to Tipperery, it's a long way to go...* Сейчас наш город представляет собой смесь всех народностей: здесь чехи, французы, японцы, англичане — одним словом, все наши союзники. Мороз 27 градусов, от дыхания идет белый пар. После обеда подул ледяной ветер и разыгралась метель и снежная вьюга. Когда поднималась наверх в свою комнату, остановилась у окна с видом на Иртыш и долго всматривалась вдаль. На поверх-

ность реки намело сугробы снега, только местами виден темный лед, а дальше степи под снежным покровом, а над ними нависло свинцовое небо. Беру томик Золя и спускаюсь вниз, в гостиную. В доме тихо, все разошлось по своим комнатам, мама в гостях, и только временами сильные порывы ветра доносятся с улицы, и тогда даже хрустальная люстра вздрагивает и тревожно позванивает. Мороз разрисовал узоры на окнах, но как тепло и уютно в мягком глубоком кресле и в белом пуховом платке. Я недаром спустилась в гостиную. Скоро парадная дверь откроется и из своей канцелярии вернется Кошек. Вчера он написал мне стихи собственного сочинения по-чешски: *Závidím Vaše štěstí. Vaše mládí. Vaše sny...* дальше я ничего не поняла. Он декламировал их нараспев, и я чувствовала, что они очень нежные. После обеда мы условились встретиться в гостиной, чтобы продолжать наш перевод Медека «Зборов» с чешского языка на русский. Звонок, горничная Фрося пробежала открывать парадную дверь и через минуту меня вызывает в проходную. Весь занесенный снегом и отряхиваясь от него, передо мной стоит военный. На нем французская голубая шинель с меховым воротником, фуражка, расшитая золотым шитьем, в руках меховые кожаные перчатки и стек. Незнакомый военный обращается ко мне и спрашивает меня, дома ли майор Кошек. Я ему отвечаю, что дома его еще нет, но что скоро он должен

вернуться, и прошу его пройти в гостиную и подождать его прихода, на что он охотно соглашается, снимает шинель, приглаживает волосы и проходит в гостиную. Невольно наш разговор переходит на французский язык. Мое смущение быстро проходит, и в его присутствии я себя чувствую просто и свободно и незаметно его изучаю. Черты лица его правильны, взгляд внимательный и немного грустный. Мы говорим о погоде, о морозе, который, к слову сказать, ему очень нравится. Он спрашивает, что я читаю, но я не успеваю ему ответить, как в эту минуту слышу знакомые шаги со звоном шпор, приглушаемые ковром. Оборачиваюсь и вижу, что майор расшаркивается и своим типичным жестом потирает руки. «Извините, мы вас ненадолго покинем...» Милан Ростислав Штефаник — как я узнаю позже, прочитав на оставленной им визитной карточке, — встает, приветливо со мной прощается и уходит в сопровождении майора в соседний кабинет. Так вот он какой, этот генерал Штефаник, о котором в последнее время много говорят в дипломатическом мире, у которого все так гармонично: и внешность красива, и душа, как чувствуется, тоже хороша. Я остаюсь одна в гостиной, читать почему-то не хочется. Я думаю о новой встрече, которая, как тень, появится, придет и уйдет из моей жизни. А на улице все еще метель, и дом наш как корабль, заблудившийся в океане, плывет в неизвестность в тумане. ■

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

СЕРГЕЙ ФОКИН
ФОТО ИЗ АРХИВА В. А. ДОГЕЛЯ

КАК ОТЗОВЕТСЯ СЛОВО

По следам публикации
«Омский дневник 1917—1920»,
часть 4 (РС 10/2014)

А. В. Догель, урожденная Молостцова.
Казань, начало 1890-х годов.

Как отзовется слово, особенно записанное для себя — кто знает? Вероятно, Таня Машинская писала дневник именно так — чтобы перечитать и вспомнить свои ощущения и оценки, когда все произошедшее станет прошлым, историей. И все это стало историей — трагической и кровавой историей России, в которой судьба ее семьи, как и тысяч других известных и неизвестных — лишь малая капля. Но, как в капле воды, все описанное омской барышней, даже милые пустяки девичьей жизни на самом краю «старого мира», отразило этот исчезнувший вскоре мир и стало документом эпохи.

Из Омска 1919 года неожиданно протянулась ниточка, связавшая ненадолго судьбы совсем разных людей. «С новой волной беженцев, — пишет Татьяна Николаевна, — в Омск приехала и семья барона Догель». Ошибка в фамилии (Догль) — либо неверная расшифровка текста, либо нечетко услышанное самой Машинской. Дальше записанное передает, правда, не слишком точно, некоторые обстоятельства тогдашней жизни семьи Догелей: в действительности они жили в Казани и не были баронами. Но, очевидно, что чуткая душа автора дневника уловила главное — тот ужас и смятение перед разверзнувшейся пропастью: «ехать и ехать, бежать от большевиков, которые отняли все: семью, дом, счастье». А это был еще не конец «хождения по мукам» семьи Михаила Ивановича Догеля (к счастью, он не погиб под Ростовом, как пишет Т. Н. Машинская).

С историей этой семьи я знаком из разных источников: двоюродный племянник Михаила Ивановича, один из крупнейших отечественных зоологов XX века Валентин Алексан-

дрович Догель (1882—1955), был заведующим кафедрой Лениградского государственного университета, которую я (уже, к сожалению, не при Догеле) когда-то окончил. М. И. Догель (1865—1936), профессор права Казанского университета, был женат на Александре Владимировне Молостцовой — правнучке А. В. Суворова. Из их пяти детей старший, Владимир, выпускник Александровского лицея, воевал в армии А. В. Колчака и был расстрелян большевиками в Томске в июне 1920 года, а средний, Михаил, выпускник Пажеского корпуса, погиб при обороне Казани от красных в начале сентября 1918 года. Михаил Иванович и Александра Владимировна с остатками семейства эмигрировали во Францию, где глава семьи зарабатывал на жизнь реставрацией мебели. Никого из казанских Догелей, кроме вдовы Владимира Михайловича с дочкой Наталией, в России не осталось. Последний потомок этой семьи (внук В. М. Догеля), Владимир Александрович Догель, физик, д. ф-м. н., профессор, живет и работает в Москве. Я хорошо с ним знаком. В 2004 году в сборнике к 100-летию Музея А. В. Суворова (Санкт-Петербург) он опубликовал предсмертное письмо своего деда — Владимира Михайловича Догеля (1893—1920), адресованное жене и годовалой дочери. Думаю, что этот документ по душевному настрою и искренней вере перекликается со многими материалами журнала «Русское Слово».

«Олечка, девочка моя милая, любимая и родная, хочу сказать тебе, что люблю тебя всем своим существом и все время около тебя душой. Сердце мое болит, и тяжело в эти дни

А. В. Догель со старшими детьми — Владимиром, Михаилом и Наталией.
Казань, начало 1900-х годов.

бывает. Но я молюсь, молюсь за Вас и за себя, и Бог меня поддерживает. На все Его святая Воля. Пишу тебе это письмо на случай моей смерти. Не убивайся обо мне. Живи для себя и Ладушки. Не бойся, если кого полюбишь. Это было бы для меня счастье знать, что ты счастлива. Покорись воле Божьей и молись Ему горячей. Ладушке рас скажи про меня, когда она вырастет. Люби ее. Знаю я тебя, мое солнышко, и поэтому уверен, что ты сможешь взять себя в руки и начать новую, более счастливую жизнь. Не бросай никогда по возможности мою мамочку, только, конечно, не в ущерб себе и Ладушке. Помни, что я благословляю тебя на полную свободу и молю Бога дать тебе счастье. Скажи Ладушке, мамочке моей дорогой, папе, Наташе, Мусе и Сандрику, что я люблю их сильно и молюсь о них. Молитесь и вы за меня и простите мне за все. Целую крепко всех моих, а главное мамочку, тетю Наташу и Митю. Кланяюсь, и благодари Александру Модест., и девочкам Вышинских, и всех, кто меня помнит.

Сегодня, радость моя, день нашей свадьбы. Я даже стараюсь не вспоминать, а то слишком уж больно. Спасибо тебе, моя радость, за все то счастье, что ты мне дала. Ты для меня все, и жизнь без тебя ничто. Ты моя душа и все мое существо. Люблю тебя до последней минуты. Прощай, моя радость. Ясно вижу тебя. Закрой глазки и поцелуйся крепко. Господь и его Святая Матерь да хранят тебя и Ладушку, дочку мою. Твой верный и всегда любящий муж Боба. Прощай, Христос с тобой! Обо мне не беспокойся, я умру твердо. Ты мне поможешь».

Вот так ушли из жизни двое из праправнуков Суворова. Один, Михаил, заколотый штыками у своего пулемета на Зилантовской горе Казани, и второй — Владимир, упокоившийся где-то в общей траншее расстрелянных в Томске. Ни могил, ни крестов...

Фотографии предоставлены проф. В. А. Догелем (Москва), которому я искренне благодарен.

О. Ф. Голосова (будущая жена В. М. Догеля). Сестра милосердия на Германском фронте. 1915(?).

А. В. Догель. 1920(?).

ЧЕШСКИЕ БОМЖИ — ДОРОГА ДОМОЙ

ДАГМАР КЛАУСОВА
ФОТО АВТОРА

По последним данным, в Чешской Республике находится около 30 тысяч человек, вынужденных жить на улице. Чешское слово *bezdomovec* и русскому будет понятно — человек без дома. Местные психологи вместо «бездомный» предлагают использовать *lidé se zkušeností života bez domova* — люди с опытом бездомной жизни, подчеркивая этим, что дорога назад всегда открыта. Русское «бомж» — аббревиатура «без определенного места жительства» — вообще равнодушна по определению к человеку и его положению. В Праге их численность достигает четырех тысяч человек. Как и по всей стране, в столице без крыши над головой находится ровно 0,3 % жителей. Не много и не мало, но их количество, как показывает статистика, постоянно увеличивается.

Чешские власти признают, что эти люди страдают морально и физически, и постоянно принимают программы по борьбе с бедностью и другими социальными проблемами. Не только государство, но и общественные организации помогают живущим на улице. Каждый пражанин, например, знает о «Гермесе» — это корабль-ночлежка на реке Влтаве, способный вместить до 235 человек, где люди без дома могут не только вымыться и переодеться в чистую одежду, но и пройти медицинский осмотр, а также получить юридическую консультацию. В районе Главного вокзала бросается в глаза очередь под вывеской *Naděje* («Надежда») — задача бесплатной горячей еды. Такую же

картину можно наблюдать и у монахинь ордена Босоногих кармелиток у храма Девы Марии Победоносной на Уезде. И уж каждый точно знает журнал *Nový Prostor* («Новое пространство») — его продают люди, живущие на улице, честно зарабатывая 20 крон с продажи каждого экземпляра.

Несмотря на наличие бесплатных психологических и юридических консультаций, бесплатной медицинской помощи и различных социальных программ, вернуть «с того света» удается лишь избранных. Главное препятствие — время и деньги. Социально адаптироваться и заработать нужную для возвращения к жизни сумму сразу не получится.

Именно по этой причине около двух лет назад трое чешских студентов —

Ондржей Клугл, Тереза Йуречкова и Катарина Халупкова — решили создать необычное туристическое агентство *Pragulic* и в качестве гидов нанимать живущих на улице или в ночлежках бродяг. Прежде чем начать проводить экскурсии по городу, все гиды проходят обучение и стажировку. Для них это своеобразная терапия и тренинг, помогающий получить новые социальные навыки и заработать немного денег. Выбирают лишь самых лучших.

Чтобы попасть на экскурсию, необходимо зайти на сайт туристического агентства *Pragulic*. На интернет-странице можно найти фото и краткое описание каждого из гидов. Далее лишь остается заполнить форму-заявление на участие в туре. Каждый желающий принять участие в экскурсии получит письмо от одного из организаторов с предложением выбрать время и место встречи. Попасть на прогулку могут даже иностранцы. Сайт работает на двух языках: чешском и английском. Гиды зачастую знают и больше.

С Робертом мы должны были встретиться в 14:30 у входа на Главный вокзал в Праге. К тому времени вокруг него собралось уже шестеро человек. Узнать его не составило труда. Фото на сайте было актуальное. Внешне экскурсовод на бомжа совсем не похож: опрятная одежда, грамотная речь. Деньги за экскурсию совсем небольшие — 250 крон с человека. Зато сколько нового узнаешь о Праге и людях — истории тоже поражают воображение.

«Сегодня мы с вами отправимся в путешествие по местам, которые я посещаю практически каждый день, когда мне необходимо куда-то добраться, как-то провести день. И, конечно же, я расскажу вам свою историю», — начинает свой рассказ у здания главного вокзала в Праге Роберт. Для тех, кто плохо понимает по-чешски, он то и дело переводит сказанное на английский или русский.

Роберт родился в 1968 году. У его дедушки были проблемы с коммунистическими властями, что отразилось и на жизни его сына и внука. Поступить в институт Роберту так и не удалось. Зато он окончил школу, где обязательным языком был русский. Он его очень хорошо помнит до сих пор. После окончания строительного училища они с братом уехали в Египет, где открыли ресторан чешской кухни. Вернувшись через несколько лет, обнаружили, что дедушки уже нет в живых, а дом разделен между родственниками. Роберта среди них почему-то не оказалось. Так и началась его «новая жизнь»...

Тем временем, мы уже сидим в маленьком уютном поезде, который мчится с Главного вокзала в район Смихова. Там на остановке *Sibulka* нам нужно будет выйти и отправиться на прогулку по красивому осеннему лесу. Это и есть еженедельный маршрут Роберта.

Роберт, несмотря на то, что ему приходится ютиться в различных социальных заведениях, очень начитанный человек, постоянно занимающийся самообразованием. Днем он частенько заходит в библиотеку. По дороге с Главного вокзала, а потом уже в лесу в районе Ладронки, в Праге 7, он рассказывает об истории окружающих нас построек, часовен, родников, озер.

«А это богиня Диана. Если присмотритесь, то она окружена собаками. Это ее свита, так как она древнеримская богиня охоты. Я сюда довольно часто прихожу. Так вот недавно памятник реконструировали, и озеро тоже почистили и обустроили. Посмотрите на небо и на кроны этих деревьев!» — с упоением рассказывает экскурсовод.

Потом мы поднимаемся по склону, по усыпанной листьями дороге, серпантинном уходящей вверх. Роберт решает сделать небольшой перерыв и угощает пирожными собственного приготовления. Именно талант пекаря в свое время помог ему заработать на пропитание в Египте. Качественный и достойный внимания продукт, за который и заплатить не жалко. Экскурсантам же он достается просто так.

«Я люблю людей, несмотря ни на что. Я стараюсь жить среди них и сохранять позитивное отношение к жизни», — делится с нами Роберт. И все это с улыбкой на лице. Через пару часов ему обратно возвращаться к «солдатам» «Армии спасения». Работа не ждет. ■

ЧЕШСКОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ МУЗЫКИ

16-Й ФЕСТИВАЛЬ

ČESKÉ
DOTEKY HUDBY
mezinárodní hudební festival
international music festival

АНДРЕЙ БАРАНОВ И «МОЯ РОДИНА»
ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА СКРИПАЧЕЙ КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ II, 2012

16.12.2014 | вторник | 19:00
Пражский Град — Испанский зал

Концерт к году Чешской музыки
Соорганизатор: Администрация Пражского Града
Концерт является частью серии Музыка Пражского Града

АНДРЕЙ БАРАНОВ (РОССИЯ) — скрипка
ФИЛАРМОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР БОГУСЛАВА МАРТИНУ
ЛЕОШ СВАРОВСКИЙ — дирижер

Бедрих Сметана: Вышеград, Бланик — цикл симфонических поэм Моя Родина, JB 1: 112/1 и JB 1: 112/6
Йозеф Сук: Фантазия для скрипки с оркестром соль минор, соч. 24
Богуслав Мартину: Симфоническая фантазия (Симфония № 6.) для симфонического оркестра, Н. 343

КВАРТЕТ ИМЕНИ БОРОДИНА — ВПЕРВЫЕ В ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

2.1.2015 | пятница | 19:00
Муниципальный дом — Зал Б. Сметаны

Под эгидой Его Превосходительства г-на Паскуаля Наварро Игнасио Риос,
Чрезвычайного и Полномочного Посла Королевства Испания в Чехии

КВАРТЕТ ИМЕНИ БОРОДИНА (РОССИЯ): РУБЕН АГАРОНЯН — первая скрипка
СЕРГЕЙ ЛОМОВСКИЙ — вторая скрипка
ИГОРЬ НАЙДИН — альт
ВЛАДИМИР БАЛЬШИН — виолончель

КЛАУДИ АРИМАН (ИСПАНИЯ) — флейта

Луиджи Боккерини: Квинтет соль мажор для флейты и струнного квартета, G.423
Александр Бородин: Ноктюрн (струнный квартет № 2 ре мажор)
В. А. Моцарт: Гран Partita — квинтет для флейты и струнного квартета си-бемоль мажор, K361 / 370A
Петр Ильич Чайковский: струнный квартет № 2 фа мажор, соч. 22, посвященная Фердинанду Лаубу (1874)

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ИСТОКАМ
ВАСИЛИЙ ПРИМАКОВ. ЛАГЕРЬ ВАЛЛЕНШТЕЙНА. ЛИСИЧКА-ПЛУТОВКА

28.12.2014 | воскресенье | 19:00
Муниципальный дом — Зал Б. Сметаны

Концерт к году Чешской музыки

СЕВЕРОЧЕШСКАЯ ФИЛАРМОНИЯ ТЕПЛИЦЕ
ГУДНИ А. ЭМИЛССОН (ГЕРМАНИЯ / ИСЛАНДИЯ) — дирижер
ВАСИЛИЙ ПРИМАКОВ (РОССИЯ) — фортепиано

Леош Яначек: Приключения лисички-плутовки, оркестровая сюита
Антонин Дворжак: Концерт для фортепиано с оркестром соль минор, соч. 33
Бедрих Сметана: Лагерь Валленштейна, оп. 14, симфоническая поэма

РУССКИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ДРАГОЦЕННОСТИ
ДРУЖБА ДВОРЖАК — ЧАЙКОВСКИЙ

6.1.2015 | вторник | 19:00
Муниципальный дом — Зал Б. Сметаны

Концерт к году Чешской музыки

«ЧЕШСКОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ» — фестивальный оркестр

Антонин Дворжак: Струнный секстет ля мажор, соч. 48
Дмитрий Шостакович: Камерная симфония для струнных до минор,
струнный квартет № 8, соч. 110, редакция Рудольфа Баршая
(посвященная памяти жертв второй мировой войны)
Петр Ильич Чайковский: струнный секстет ре минор Souvenir de Florence, соч. 70, №2
(Воспоминания о Флоренции)

ЖУРНАЛ «РУССКОЕ СЛОВО» — МЕДИАЛЬНЫЙ ПАРТНЕР ФЕСТИВАЛЯ
«ЧЕШСКОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ МУЗЫКИ»

Розыгрыш билетов на концерты фестиваля для подписчиков
журнала на 2015 год

ПРИ ПОКУПКЕ ДВУХ БИЛЕТОВ НА КОНЦЕРТ — ТРЕТИЙ БИЛЕТ
БЕСПЛАТНО (ПРИ ПРЕДЪЯВЛЕНИИ КУПОНА)

ПРОДАЖА БИЛЕТОВ:

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ДОМ (OBESNÍ DŮM): Historická pokladna, ежедневно 10:00—20:00

TICKETSTREAM: SK Čedok Praha, Na Příkladě 18

НОВОМЕСТСКАЯ РАТУША (NOVOMĚSTSKÁ RADNICE): ОФИС MHF ČESKÉ DOTEKY HUDBY
пн—пт, 9:00—17:00, тел.: +420 224 947 131

ОЛЬГА ЧЕРКАШИНА
ФОТО: ВАДИМ ГРИВАЧ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ О ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ

16 октября в известном пражском книжном магазине «Академия» состоялась презентация книги «Потерянный мир Подкарпатской Руси в фотографиях Рудольфа Гулки (1887–1961)» (Zmizelý svět Podkarpatské Rusi ve fotografiích Rudolfa Hůlky (1887–1961)). Фактически, эта уникальная книга — альбом исторических фотографий чешского фотографа Рудольфа Гулки, которые он снимал в начале прошлого столетия в разных областях Подкарпатской Руси, тогда входившей в состав Чехословацкой Республики.

Состоит издание из трех частей. Первая часть — очерк о Рудольфе Гулке, увлеченном фотографе и переводчике украинской литературы. Вторая — объемный раздел из двухсот фотографий, тщательно отобранных составителями книги из огромного массива документов. В третьем разделе собран полный каталог снимков, сделанных фотографом на территории Подкарпатской Руси.

Заслуга составителей книги Лукаша Бабки (Lukaš Babka) и Ханы Оплетиловой (Hana Opřestilová) в том, что из тысяч документов, бережно хранимых в запасниках Славянской библиотеки, они отобрали именно эти 200 — самые интересные снимки Подкарпатской Руси,

на которых заснята природа Карпат, местные жители в народных костюмах и традиционная архитектура этого региона. Из пыльного библиотечного полумрака, где находятся тысячи стеклянных пластинок с фотоизображениями, о которых знают лишь некоторые специалисты, редакторы извлекли эти снимки, рассказали о них и сделали их широко доступными. Работа по составлению книги была непростой: одни из фотографий в архиве были снабжены оригинальными подписями, а другие — нет, поэтому приходилось привлекать специалистов, которые по архитектурным особенностям и деталям костюмов, видимым на снимках, определяли, в какой именно области Руси это было сфотографировано.

Книга «Потерянный мир Подкарпатской Руси в фотографиях Рудольфа Гулки (1887—1961)» двуязычна: все тексты в ней написаны по-чешки и по-английски. По-чешки, потому что книга адресована, в основном, чешскому читателю, а по-английски, потому что книга была издана при поддержке большой диаспоры русинов в США. Английский перевод выполнен Катержиной Миллеровой (Kateřina Millerová). Вводную статью к изданию написал американский библиофил, славист и историк искусства Эдвард Касинец (Edward Kasinec).

На презентации звучали фольклорные песни, и зрители смогли не просто увидеть этот красивый край в книжных иллюстрациях, но и услышать музыку, рожденную на просторах Подкарпатя. ■

Издание русской диаспоры в ЧР

РУССКОЕ СЛОВО

11(101)/2014

Общественно-публицистический
иллюстрированный журнал
Издается с 2003 года

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Vocelova 603/3, 120 00 Praha 2
e-mail: ruslo@ruslo.cz
тел.: +420 221 419 830, fax: +420 266 053 149
Facebook — ruslocz
www.ruslo.cz

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Марина ДОБУШЕВА
КОРРЕКТОРЫ: Виктория РУЧКИНА
ДИЗАЙНЕР: Анна ЛЕУТА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Татьяна АНИКИНА, главный редактор журнала «Слово нашим детям» (Прага)
Лукаш БАБКА, директор Славянской библиотеки (Прага)
Марина ДОБУШЕВА, главный редактор журнала «Русское слово» (Прага)
Игорь ЗОЛОТАРЕВ, директор издательства «Русская традиция» (Прага)
Алексей КЕЛИН, член Совета правительства ЧР по делам нацменьшинств (Прага)
Александр ЛАЙКО, редактор журнала «Студия» (Берлин)
Анна ЛЕУТА, дизайнер издательства «Русская традиция» (Прага)
Юрий ПРОСКУРЯКОВ, писатель и журналист (Москва)
Анатолий РОЗОВ, общественный деятель (Брно)
Виктория РУЧКИНА, литературный редактор, корректор (Прага)
Юрий ФЕДОРОВ, политолог (Прага)
Сергей ФОКИН, ученый-исследователь (Пиза)

**АДМИНИСТРАТОР САЙТА
И ДИСТРИБУТОР:** Вадим ГРИВАЧ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА:
Общество «Русская традиция»
Vocelova 603/3, 120 00 Praha 2

ДИСТРИБУЦИЯ: Mediaprint & Kapa, CZ Press

ТИПОГРАФИЯ: Tiskarna Libertas a. s., Praha

Издается с финансовой помощью
Министерства культуры ЧР

RUSKOJE SLOVO

Periodikum ruské menšiny v ČR v ruštině.
Časopis je vydáván s finanční podporou
Ministerstva kultury ČR

МК ЧР Е 13956
ISSN 1214–1771

Copyright: © Ruská tradice, o. s. издание
© авторы: тексты, иллюстрации, фотографии, дизайн
Использование любых материалов
только с разрешения редакции

ЦЕНА: 50 крон

ГODOVAYА ПОДПИСКА: 500 крон

ОБЛОЖКА: Марлен Дитрих. Нью-Йорк, 1942.
Фото: Хорст Пауль Альберт Борман (Хорст П. Хорст).
Архив Condé Nast/ Horst Estate.

ОБЩЕСТВО «РУССКАЯ ТРАДИЦИЯ»

МЕЖДУНАРОДНАЯ

КОН ФЕРЕН ЦИЯ

ПРАЖСКИЙ МАНИФЕСТ КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ (КОНР)

к 70-летию провозглашения

14—16 НОЯБРЯ 2014 ГОДА

ПРАГА

13 ноября 2014 года | 15:00—18:00

РЕГИСТРАЦИЯ УЧАСТНИКОВ — обязательна для всех участников и гостей конференции, получение материалов и точных инструкций для пропуска/входа на конференцию

Адрес: редакция журнала «Русское слово», Vocelova 602/3, Praha 2, станция метро и остановка трамвая I. P. Pavlova

14 ноября 2014 года | 10:00—21:00

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ в Рудольфовой галерее на Пражском Граде
Открытие | доклады | экскурсия по Пражскому Граду | концерт

Адрес: Pražský hrad, Praha 1

15 ноября 2014 года | 9:00—17:00

ВТОРОЙ ДЕНЬ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ в Доме национальных меньшинств
Доклады | экскурсия на Ольшанское кладбище на могилы РОА

Адрес: DNM, Vocelova 602/3, Praha 2, станция метро и остановка трамвая I. P. Pavlova

16 ноября 2014 года | 9:00—15:00

ТРЕТИЙ ДЕНЬ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ
Экскурсия по местам боев и захоронений воинов РОА в окрестностях Праги

Адрес: DNM, Vocelova 602/3, Praha 2, станция метро и остановка трамвая I. P. Pavlova

РУССКОЕ СЛОВО